

10 апреля 1929 г.

П Р А Г А

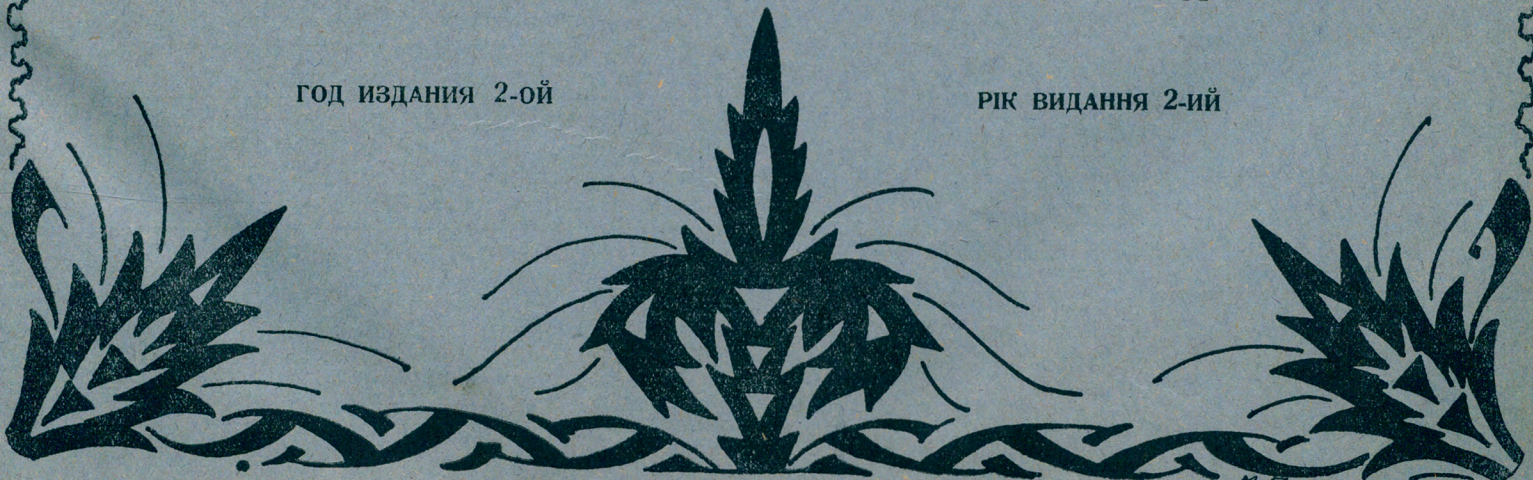
ГОД ИЗДАНИЯ 2-ой

33

10 квітня 1929 р.

П Р А Г А

РІК ВИДАННЯ 2-ий

М. БИТИНСКИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. Юрий Гончаров: * * Памяти О... Стихи.
2. * * * А. С... Стихи.
3. И. "Билый": Юрий Гончаров.
4. В. Глазков: Ю. Ф. Гончаров.
5. Гнат Большой (И. Б-о): „Маленький Гнат“.
6. Иван Егоров: Светлой памяти Юрия Гончарова.
7. Любовь Самсонова: Памяти Юрия Гончарова. Стихи.
8. Сумерки Европейского Коммунизма.
9. Инж. В. Бейсуг: К проблеме нашего экономического возрождения.
10. Шамба Балинов: „Свободное Казачество в свободной России“.
11. Сергей Макеев: Константинопольские картинки.
12. Козак Бидолага: Кавказское восстание.
13. Думы и мысли: Думы казака. Е. Кочетов.
14. Международная жизнь.
15. Казачья эмиграция.
16. В Казачьих Землях.

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Болгария. — П. К. — Нам ничего неизвестно ни о каких „младо-казаках“. Разговоры или письма о них есть недоразумение или провокация противников В. К.

Югославия. — Д. Г. — Книжки г. Сулятицкого мы Вам не посылали. Вообще этой книги ни посылать, ни рекомендовать не можем т. к. слишком много в ней не правды.

В свое время мы дадим надлежащую характеристику этого „труда“, пока же только отметим что это, во всяком случае недобросовестная история. Слишком много автор этой книги уделит места дискредитированию („очернению“) тех, кто стоял в 1917—1920 годах во главе Кубани.

Брно. — А. К. — Хорошо.

Белград. — Б. К. — Получено. Привет!

Орловат. — Г. А. — Получено. Будет помещено. Привет джигитам!

Болгария. — П. К. — „Может-ли молчать“ получено. Пойдет. Привет!

Збрацлав. — I. Б. — На жаль, не підійде.

Канада. — А. Б. — Получено Спасибо привет!

Белград. — А. Д. — Получено.

Франция. — С. М. — „В зоологическом саду“ получено. Почему не прислали соотв. фотографии? Привет!

Франция. — С. — Письма получены. Присланный материал, к сожалению, устарел и теперь вопрос этот мало кого бы заинтересовал. Привет!

Далмация. — В. К. — Ответ послан.

Румыния. — В. Е. — Ответ послан.

Брюссель. — И. Е. — Получено. Ответ — письмом.

Париж. — Д. В. — Ответ — письмом.

Румыния. — В. К. — Ответ будет письмом. Что можно будет — сделаем. Привет!

Нью-Йорк. — П. К. — Коли найдемо, то перешлемо.

Варшава. — А. М. — Одержали. Дакуємо.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В РУМЫНИИ

В. П. Елисеев.

Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В ЮГОСЛАВИИ

Б. А. Кундрючков.

Београд, Кочина ул., 1.

В БОЛГАРИИ

П. В. Нос.

София. Антим I, 75.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ

Ив. П. Егоров.

21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

Розничная продажа журнала:

В Париже: Jacques Povolozky et Cie, Editeurs. 13 Rue Bonaparte, Paris VI.

В Праге: Чешско-русско-украинский книжн. магазин F. Svoboda, Václavské nám., 57.

В магазине имеются русские и украинские книги заграничных и советских изданий.

Редакция ж. „В. К.“ просит всех казаков, обращающихся к ней по тем или иным вопросам, не забывать в каждом письме обязательно четко и ясно писать свой адрес.

Розыски.

Казака Филиппа Ив. БОРОДИНА розыскивает его брат. Писать по адресу: Beograd, Ресторан „Mon géros“, Дворскаја, 1. S. H. S. E. И. Бородину.

**БОЛЬНОЕ
ВІЛЬНЕ** **КОЗАЦТВО
КАЗАЧЕСТВО**

— LES COSAQUES LIBRES —

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор И. А. Билый.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

№ 33

Прага, среда 10-го апреля 1929 г.

№ 33

Юрий Гончаров

† 18 марта 1929.

Юрий Гончаров.

* * * Памяти О...

Я сегодня с иконою темной
Ни о чем не говорю.
С головой пустою и дремной
Безучастно в окно смотрю,
Зажигаю желтые свечи,
Слушаю, как стучат часы..
Говорят — сегодня под вечер
Умер бледный маленький мой сын..
В этом доме прежде был слышен —
Плач, и смех, и ребячий лепет.
Здесь сегодня темней. И тише.
И свечей беспокоен трепет.
И о чем-то грустят герани,
В пересветах огней косых.
Этот вечер так тих. И странен..
Умер!.. Умер маленький мой сын..

16 февр. 1929. Прага.

* * *

А. С.

Ты откуда пришла? Не из мертвого-ль
леса,
Где молчанье сплело голубое гнездо,
Где под елями спит в паутинах белесых,
Сотни лет, сотни лет заколдованный
дом?..
Ключ от дома заброшен в гнилое
болото..
Много сказок за печкой сверчок рассказал..
И дыханьем веков оklubились ворота..
А хозяину птицы склевали глаза..
Сотни лет, сотни лет под зеленою крышей
Ты студенную тишь стерегла по ночам..
Оттого — так нездешен твой говор чуть
слышный
И в ресницах извечная дремлет печаль..
10 февр. 1929. Прага.

Юрий Гончаров.

Выше я помещаю два последние произведения Юрия Гончарова. Одно из них, помеченное 10 февраля 1929 г. и посвященное А. С., — последнее, переданное им в редакцию „В. К.“ Другое (16 февраля 1929), написанное на смерть моего сына, автор „постеснялся“ передать мне и оно попало в редакцию „В. К.“ уже после смерти его автора. Это второе стихотворение есть последнее произведение Юрия Гончарова.

Какая игра судьбы! Написал на смерть другого и... вскоре умер сам. Точно для себя писал...

... Когда мне было 6¹/₂ лет, умерла моя трехлетняя сестра. Помню, как горевала моя покойная мать. И тогда и много позже, точно утешая себя, она часто повторяла: „Бог бере до себе наперед тих кращих“...

Очень больно вспомнил я недавно эти слова своей матери, когда умер мой сын...

И невольно опять встали передо мною те же слова, когда я слушал отпевание Юрия Гончарова: умирают сначала лучшие!..

Я не хочу в этом месте быть „объективным“. Наоборот, хочу остаться очень субъективным. Не хочу поэтому искать и доказательств правильности ставшего и моим утверждения своей матери, — вспомним только недавних наших павших...

У нас, казаков, вообще мало своей интеллигенции. Дорог каждый человек. Но, когда приходит черед людей, отмеченных „милостью Божией“, жаль становится вдвойне. Жаль их, жаль и Казачества, которому сейчас особенно так нужны люди одаренные, нужны творцы, строители

жизни и культуры духовной и материальной. А покойный Юрий Гончаров, как бы кто ни относился к его творчеству, имел в себе „искру Божию“. Это, во всяком случае, бесспорно. А это — много!

Думаю, что долг тех, кто знал Юрия Гончарова, собрать и, восстановив все то, что им создано, напомнить живущим и оставить его для будущих поколений, чтобы Казачество знало и никогда не забыло тех, кто жил и творил в трудные времена начала его возрождения.

Эмигрантская жизнь не баловала Юрия Гончарова. В другом месте читатели „В. К.“ прочтут его краткую биографию. Умер он секретарем редакции журнала „В. К.“ К сожалению, эта последняя служба его была очень короткой. Приглашен он был (он искал перед этим работу) одним из секретарей „В. К.“ и на него возложены были: корректура и выпуск номера. Это его „устроивало“, т. к. оставляло достаточно времени для окончания Пражского Политехникума, куда он перевелся из Брна.

Условились мы с ним, что на работу он станет 1 марта. Но, выбитый из колеи смертью сына, я передал ему выпуск уже февральского № 30. А 18 марта его не стало. Выпустил всего два номера.

Очень нравилась ему и мысль иллюстрировать отдел „казачьей эмиграции“, создавая таким образом постепенно „альбом“ казачьей эмиграции. Сам он немедленно же дал очерк о Донском Кадетском Корпусе в Египте (см. № 31 „В. К.“), невольно ставший его последней краткой автобиографией.

И. Билый.

Ю. Ф. Гончаров.

Новую книгу раскроем.
Крест сотворив на нем:
Павших за Дон — упокоим
В древней могильной земле.

Юрий Гончаров.

Юрий Федорович Гончаров родился 26-го ноября 1903 г. в станице Каменской. Отец его был донским офицером, который скоро вышел в отставку, поступив на место учителя.

Первоначальное воспитание Ю. Ф. Г. получил в доме своих родителей, куда частенько собирались друзья отца. Душой домашних собраний был дядя покойного. Дядя писал недурные стихи, производившие, по свидетельству Ю. Ф., большое впечатление на присутствовавших.

Когда Юрию Федоровичу исполнилось восемь лет, дядя подзадорил племянника бросить играть в карточные домики и заняться чем-нибудь посерьезнее, добавив, что в его годы дядя уже играл в шахматы и писал стихи. Мальчик задумался и решил испробовать „профессию“ дяди. Вначале ему не удавалось: он ломал карандаши, рвал и портил бумагу, но из его писаний ничего не выходило.

Однажды, после отчаянных „упражнений“, он, уставший, повалился в постель и заснул. Проснувшись,

Юрий прочел написанное на измятом листе бумаги и был сам поражен стройностью и красотой рассказа, где фигурировал целый сонм ведьм, колдунов, леших — царство, которое покойный с особенной любовью и нежностью описал в произведениях более зрелого периода своей жизни („Зеленая дрема“, „Волчий курган“ и др.). Сияя, торжествующий писатель вышел в гостиную, где сидели его родители и дядя, которым он и представил свое произведение. Все, в том числе и дядя, восхищенно отозвались о первом дебюте Юрия, а мать со слезами на глазах нежно его поцеловала.

Когда Юрий подрос, отец отправил его в Воронежский кадетский корпус, директором которого был его друг. Из Воронежа он каждое лето приезжал в станицу Каменскую, откуда с отцом ходил на Донец или Чертово ловить рыбу. Это было самым любимым занятием его детства, оттого Ю. Гончаров часто и с большой симпатией выводит в своих произведениях рыбаков, умело сводит и роднит их с водяными, лешими и т. п. Ю. Ф. страстно любил речки и озера, их серебрянную гладь.

„... Ближе и родней мне озера и реки. Лучше сюда — где водяная небыль создает чудесные сказки, где, как зеленый сон струится жизнь; где в серебряные ночи шумят и колдуют водяные и ведьмы и — в золотые, лунные — плетут волшебные завесы над ре-

кой... Мне хотелось бы уйти в их жизнь. Ах! мне хотелось бы после смерти глубоко под яром приютить свое тело в илу, под мокрыми корягами и пнями, а душу отдать нежитям и раствориться с водой — в воде... Видеть водяные чудеса и слушать без конца нерассказываемые сказки...“

Ю. Гончаров — гимназист.

Перед революцией Ю. Ф. Гончаров переводится в Донской кадетский корпус. С ним же он и эвакуировался в далекий Египет, где принимает деятельное участие в кадетском журнале „Донец“. Многие его произведения уже здесь обратили внимание знатоков, пророчивших ему большое будущее на литературном поприще и указывавших на „искру Божию“.

Из Египта Ю. Ф. Г. вместе с хором кадет ездил в Иерусалим. В Иерусалиме он познакомился с одним из архимандритов православного монастыря, с которым искренно подружился. Впоследствии он несколько раз ездил в Иерусалим к „своему владыке“. Молодого поэта привлекало в Иерусалим не суежное желание обрести краски для своих поэтических произведений, не простое любопытство. Он посещал святые места, как верующий, как смиренный крестоносец, жаждущий повергнуться на колени перед Гробом Христа.

После расформирования Донского кад. корпуса, находившегося в Египте, Ю. Ф. со многими однокашниками переехал в Болгарию, где поступил в Шуменскую гимназию для окончания восьмого класса. Окончив гимназию, он начал искать путей и возможности для дальнейшего своего образования и после тщетного ожидания визы в Чехословакию, он, подобно многим, перешел границу ЧСР, где поступил в Брненский политехникум на электромеханическое отделение.

Здесь, как и везде, Ю. Ф. пользовался большими симпатиями окружающих, особенно же студентов-казаков, в Правлении хутора которых он состоял неоднократно, работая по объединению, сплочению и усилению сил казачества. Несмотря на его молодой возраст, он был, начиная с 1925 года, постоянно избираем делегатом на казачьи студенческие сборы и на съезды уполномоченных общеказачьего сельско-хозяйственного союза.

При своей поэтической натуре он никогда не отказывался и не пренебрегал работой в казаче-общественной жизни, близко воспринимая все недостатки и достоинства ее.

При своем слабом здоровье; он, конечно, не мог удовлетворять всем требованиям, предъявляемым Комитетом по обеспечению образования студентам, к тому же он около 4-х месяцев находясь в санатории, не мог сделать первый государственный экзамен в предписанный комитетом срок (опоздал на месяц) и его в половине 1927 лишили иждивения.

После этого жизнь его, была очень тяжела: он побывал на всевозможных черных работах, которые не могли не повлиять на его и без того слабое здоровье.

К тому же прибавились некоторые личные неудачи, отразившиеся в цикле его произведений „Любовь“.

В середине 1928 года Ю. Ф. Гончаров переехал в Прагу, которая ему тоже много не улыбалась — была так же полна лишений. Впоследствии он был приглашен в редакцию „В. К.“ и, работая там, продолжал свое высшее образование.

Вечером перед своей смертью он, полный жизнерадостности и веселья, в кругу своих коллег-сожителей с большим увлечением пел и играл на гитаре, не чувствуя, что на утро будет уже холодным трупом. Около 10 часов все заснуло, а утром его коллеги могли лишь констатировать его кончину.

Холодная, неумолимая смерть вырвала из нашей среды молодого талантливый поэта-писателя. Скончался он тихо, без мучений, вздохов. Он ушел к сонму тех, по его собственным словам, „лучших бойцов, меченосных казачьих угодников, которые перешли в иной мир; одев монашеские одежды, он пошел к Божьему Престолу просить подмоги страждущему нашему Народу“.

Произведения Юрия Федоровича помещались во всех казачьих журналах, которые издавались и издаются за границей.

„Донец“, „Казак на чужбине“, „Казачьи Зори“, „Казачий Путь“, „Путь Казачества“, „Вольное Казачество—Вільне Козацтво“, „Казачий Сполох“ украшались произведениями Юрия Гончарова.

Ввиду большой разбросанности его произведений, чрезвычайно трудно в такой короткий срок подвергнуть анализу все его творчество, однако следившим за его развитием и имеющим перед собой большинство его произведений можно все же бросить беглый взгляд на творческий путь покойного.

Юрий Федорович Гончаров большой певец, как в прозе, так и в стихах. В общих областях он отличается большой художественной музыкальностью; везде чувствуется изящное вышивание его волшебных слов, из которых он плетет очаровательные узоры. Ю. Ф. тяготеет в своих произведениях к красочности, выпуклости и образности, он не терпит лишнего, ненужного многословия, но зато умело лепит слова свои там где они необходимы.

Ю. Гончаров (сидит слева) в Болгарии. Рядом с ним его наилучший друг И. Егоров.

Кроме прелестных стихотворений, Ю. Гончаров написал много повестей и рассказов, которые доставили ему славу и были замечены многими знатоками. Как сильные, как четкие, рельефны и образны его

картины описания природы! Здесь он сказался действительным художником.

В его произведениях много казачьей народности, казачьего быта — достоинство, которое вполне может быть оценено лишь казаками.

Ю. Ф. был певцом своего Донца и Степи. С какой любовью, нежностью, радостью, гордостью и влюбчивой симпатией описывает он дорогие его сердцу Степь и родной ему Донец. Симпатия к Донцу и Степи сквозят у него с самых первых его произведений. Еще в Египте Ю. Ф. картинно воспроизводит память о своем „Старшем брате“ в „Эллегии“:

„В той стране солнца много! В той солнечной стране Старший брат мой, светлый красавец-Донец, на могучих плечах стальных, усмехаясь, несет черные, высокие берега, нависшие срывами и кругами... Зеленые извивы, где взвилась его хрустальная петля... В том Краю — овеванная задумчивыми вечерними шорохами степь — изумрудный Жертвенник — курит вечеряющему небу благовонный фимиам из тихих душистых трав и нежно сумрачного света... там наша серебрянно-ковыльная Земля...“

Ю. Ф. Гончаров не был только казачьим поэтом, его можно причислить к писателям, истинная художественность которых с эстетической точки зрения приемлема для всех.

Если мы проследим произведения последнего периода его творчества, то заметим, что он, как бы чувствуя холодную поступь смерти, желает еще жить:

„Ты — время — мне плесни еще десяток капель,
В пустеющий мой ковш прилей огней и света,

Осени чуден сказ... и песнь еще не спета“.

Часто у него уже не хватало сил в неравной жизненной борьбе и он с жалостным отчаянием бросается в объятия неизвестного:

„Эй! Наезжай громахающий поезд!
Прямо на череп мне, прямо на грудь!“

Под конец он, видимо, смирился с судьбой и лишь ожидал рокового часа.

„... Я пройду здесь никем незамечен...
В сонных улицах кружится муть.
Пусть — сильнее угрюмится вечер,
Мне-бы тоже... скорее уснуть.“

За месяц до своей внезапной кончины Ю. Ф. Гончаров пишет:

„Ночью спрашивал я звезды и луну:
— Где я, милые, головушку сверну?..“

С глубоким чувством уважения, благодарности и незабвенной памяти смотрим мы на поэта, посвятившего лучшие годы своей жизни исключительному труду, бескорыстным вдохновениям и совершению высокого подвига.

И нам нельзя не горевать о преждевременной кончине таланта.

В. Глазков.

„Маленький Гнат“.

(Светлой памяти Ю. Ф. Гончарова).

Де ти бродиш, моя доле, —
Не докличусь я тебе!..

Пісня.

Крестики,
крестики,
крестики...
Лес уже черных крестов...
Боже! Какая могучая армия
Мертвых Донских казаков!

Л. Самсонова.

... „В ночь с 17-го на 18-ое марта, заснул Юрий и больше не проснулся“...

Ужасная, тяжелая весть... Ничем не оправдываемая, жестокая несправедливость!.. Холодеет мысль... Притупилось сознание... Горло дают спазмы!..

Тяжелым молотом бьют по голове страшные слова: „Маленький Гнат(*)“ ушел от нас и больше не вернется... Никогда!..

Догорела богатырская, красивая душа в хрупком организме. Блеснула яркой звездочкой и метеором закатилась молодая жизнь.

Рано оборвалась нить, а с нею и все мысли, желания, мечты... Глубокие, достойные подражания и восхищения...

Незаменимая утрата!..

Кто не восторгался жемчужинами его поэтического лиризма, художественной отделкой его прекрасных миниатюр?..

В ком не вызывали искренний смех его литературные „фантазии“?

Кто из казаков, соприкасавшихся с ним не любил его?

Кто не преклонялся перед прямоотой, трудолюбием (в кошмарных условиях жизни неждивенца с тяжелой сердечной болезнью) и упорством этого маленького, слабенького физически „политика-фаталиста“, казака до мозга костей?.. В ком не вызывали подражания его бесконечная любовь к Казачеству и неустанное, бескорыстное служение Ему?..

*) Прозвище Ю. Ф. среди его друзей. И. Б.

Какой диссонанс, какая нелепость — Юрия с нами нет!..

Передо мною кипа писем от Юрия Федоровича (за период 1924—29 г.г.). Перечитываю их в сотый раз и в сотый раз встает перед глазами одухотворенная фигура казака-бойца, поэта-лирика и гражданина...

В письмах этих ярко и выпукло отображается все то, чем жил, во что верил, о чем скорбел душой и откуда черпал силы Ю. Ф.

Красной нитью проходит в них неизмеримо глубокая любовь его, до самозабвения, до боли, к своему народу — Казачеству:

... „себе самому служить мелко и нет удовлетворения... одно только и осталось — вера в Казачество, служение Ему... Вот поразмысли хорошенько, разбери до мелочи свой народ, разбери, что сделал он, какую непостижимую работу, какие жертвы принес этот народ?.. Разобрав, увидишь как любишь Его... Кто же любит, тот живой человек, тот работает... (1927 г.).“

Он ни на минуту не допускал даже возможности „разочароваться в казачестве“ и на свою работу смотрел, как на выполнение гражданского долга:

... „В казачестве разочароваться нельзя!.. Ибо если можно разочароваться в Казачестве, то в ком же и в чем можно „не разочароваться“?.. Скажи, где во всем свете есть другой такой народ? Нет нигде!.. Горсть людей три года вела борьбу с целой Россией, потеряла в войне половину своего народа... За одно только это, нужно Ему служить всеми своими мыслями... Работать же неустанно на благо Казачества — мы обязаны... Тот же, кто не дооценивает к какому народу он принадлежит — недальновидный, шатающийся человек, или честолюбец и эгоист“... (1927).

В вопросе самоопределения Казачества, Ю. Ф. был 100%-ным „самостийником“. На этот счет у него не было компромиссного решения, двух мнений. В казачестве видел он (без всяких исторических предпосылок о происхождении Казачества, интуитивно) особый народ, Казачью Нацию... Этой то нации он и служил, в эту нацию — верил.

Понятны поэтому его сетования на тех, кто „портят казачье лицо“:

... „Больно, что большинство не пришло еще к мысли о том, что о России думать нечего, что надо поднимать свое в казаках, бросать другое семя — свободы своих Краев, своих Земель... В России, очевидно, коммунизм привился, а наши казаки о России только и думают... Пора давно бросить эту мечту и начать всякими способами — явными и подпольными отделяться на веки-веков от России... Я иногда думаю: если б знать, что нас много, — бросил бы все и двинул в Казачьи Земли, начинать новое... Повесят!?. Хоть знаешь за что!..“ (1924).

То обстоятельство, что идея Казачьей Державы находила более живой отклик среди кубанцев, нежели среди донцов, доставляло Ю. Ф. не мало огорчений. Сознание же того, что казаки (донцы и др.) говорят, хотя и на казачьем, но все же на русском языке, просто угнетало его и в этом он видел „корень обезличенья“:

„Увы, нас мало! (донцов-„самостийников“). У нас — кубанцев идея о самостоятельности есть, а у нас б. м. будет... Иногда, скажу тебе по секрету, я жалею и знаешь о чем? — О том, что я... не кубанец!.. Дело в том, что у нас (донцов) все обстоит иначе... нет своего языка. И я бы, чорт возьми, дал что угодно, чтобы донцы заговорили по... украински... Именно, не по польски там, или по чешски, а по украински... Я бы дальше стоял от России и русских“... (1924 г.).

Однако, нотки пессимизма, тут же сменяются у

него бодрым настроением, поддерживаемым неугасаемой верой в торжество Правды, Казачьей Идеи:

„И все таки я верю, что будут, наконец, и у нас люди, думающие о самостоятельности и хочу верить, пусть хоть что!..“

И в своих надеждах Ю. Ф. не обманулся...

— „Ушел от нас молодой поэт“ — Жестокая старуха подрезала жизнь в самый интересный ее период... В тот момент, когда надежды Ю. Ф. уже оправдались наполовину, когда его мечта организовать „самостийный кружок“ и издавать „самостийный журнал“, воплотилась в действительности, когда боевой клич Вольных Казаков несется со всех уголков света и от казаков всех Войск...

Нет слов выразить бесконечную душевную боль и обиду! Но, как не велика утрата, не время лить слезы и предаваться печали... Голову выше, казак!..

Работать и работать, не покладая рук! Ибо, если мы работаем, значит мы любим свой народ, „а кто любит, тот живой человек!“

— „Работать же неустанно на благо Казачества — мы обязаны“...

Жизнь Ю. Ф. и его бескорыстное служение Казачеству, да послужат примером „шатающимся людям“ и да не изгладится в нашей памяти никогда его прекрасный образ!..

Мир праху твоему, дорогой соратник! Ты умер на своем посту — отдал свою жизнь „за други своя“, а выше этой любви — нет!..

Вечная память тебе и вечная слава!!!

Гнат Большой (И. Б—О).

Братислава. 22-III-29.

Светлой памяти Юрия Гончарова.

Милый мой, чистый, светлый Юрка... Нудьга — пила ты невозможная...

Вот ты теперь ушел, но я знаю, чувствую, что ты стоишь где-то близко, впереди меня и видишь, как подергиваются углы моих губ, и как слезная пленка туманит мне глаза. Вот эта пленка прорывается. Падает на бумагу горячая капля. Расплаваются несколько слов. И я слышу, как ты мне говоришь:

— Чего нюни распустил?

Вспомни.

Маленькая часовня в центре храма. Запах ладана и розовой эссенции. Мраморная крышка футляра, скрывающего гроб. Две свечи в золотых подсвечниках. Букет живых цветов. Ты выходишь — и я вижу, как уголки твоих „скептических“ губ подергиваются, и как глаза твои застилаются слезной пленкой. Ты слишком поздно отвернулся, чтобы незаметно выгнать из кармана платок и украдкой смахнуть эту пленку. Я все видел. И узнал тебя в тот момент всего, всю твою сокровенную суть. Я тогда сказал тебе не с злой радостью, а радостно:

— Чего нюни распустил!

Ты потом говорил мне:

— Понимаешь... Этот букет живых цветов... Полу-мрак... Нервы...

А когда я позволил себе усумниться, ты крикнул: — Отстань! Не пили ты меня, пожалуйста, нудьга маринованная!

Передо мной лежит одно из твоих последних писем, а в нем твои стихи:

Ночью спрашивал я звезды и луну:
— Где я, милые, головушку сверну?..
Как бы мне того могильщика сыскать,
Что придет мою могилу зарывать?
Где бы мне с ним по душам поговорить,
Как бы трубочку с ним вместе покурить?
Как бы мне с ним провести морозный вечер,
Посмеяться б над последней нашей встречей?
Я тебе заметил в шутку:

— Не советую, друже, заводить знакомства среди могильщиков и петь серенады смерти. Говорят, что это плохая примета.

Вот и накаркал.

А вот несколько слов из твоего письма от 11-го марта:

„Нужно писать скорей, скорей, ибо жизнь коротка“.

И еще:

„Писать о чем угодно и когда угодно могут только старики, для которых творчество — ремесло... Мне все же кажется, что умру я молодым. Не доживу до такого „счастливого“ состояния“.

И не дожил. Ушел сразу, дико, несправедливо, унеся с собой часть моей и нашей с тобой мечты.

Как же я теперь буду без тебя пытаться подымать наш дивный „драгоценный камешек“ — эмблему, мечту и цель нашего с тобой вечного „двойственного“ союза!

В те моменты, когда уходят грезы и грусть, и душа наполняется мертвой пустотой, кто мне скажет, как ты:

Пусть мертвая тоска туманится в глазах!

Пусть жизнь течет унылою долиной! —

Мы помним озеро священное Тимзах

И караванов путь и лики бедуинов.

Мы слышали напев песков, летящих с дюн,

Дыханьем вечности и знойности согретых!..

О чем мечтали мы в стране шафранных лун,

В стране высоких пальм и белых минаретов?..

Чудный мой, светлый Юрка! Мне страшно больно. Ты это видишь, чувствуешь? Да?

Выслушай внимательно клятву твоего союзника, с которым ты собирался поднять „драгоценный камешек“:

— Когда-нибудь я поеду, чтобы увидеть твою могилку. Я положу на нее букет из белых, любимых твоих, живых цветов, стану на колени и поцелую землю, под которой ты спишь.

И когда снова искривятся мои губы, и упадут несколько горячих слезных капель на могилку, ты не пи-

ли меня, пожалуйста, оттуда, из Светлых Чертогов, построенных когда-то нашей мечтой, и не говори мне: — Ну, чего нюни распустил!

Я бережно пронесу через всю жизнь наши общие с тобой восторги, великую нашу питательницу-иллюзию, ненависть к грязи и миражную призрачность нашей

неосуществленной светлой мечты, о которой я никогда никому ничего не скажу.

Тебя же буду помнить всю жизнь, славный, хороший чистый Юрка.

Ив. Егоров.

Бельгия. 26-III-1929.

Любовь Самсонова.
(Прага.)

ПАМЯТИ ЮРИЯ ГОНЧАРОВА.

... Я пройду здесь никем незамечен...
В сонных улицах кружится муть...
Пусть — сильнее угрюмится вечер.
Мне бы тоже... скорее уснуть.

Юрий Гончаров (Казач. Сполох).

Мечтал о сказке,
Мечтал о сне,
О дивной сказочной стране,
Где сон с молитвою сольются
В прекрасном образе Христа.
Уснул, чтоб больше не проснуться,
Ушел за грани смерти — сна.
Жил в мире сказочных исканий;
Ловил незримые слова;

Стремился к игу покаяний —
К венцу святого пострига;
Сплетал стихи с порывом к Богу;
Дрожал ответною струной,
Шел непроторенной дорогой
Один с непонятой душой.
Любил простор и дикий посвист в поле,
Наивные сказанья старины,
Любил, как жизнь, казачью Волю
И синеву Донской волны.
Уснул, угас, как свечка восковая
У образа распятого Христа...
О чем мечтал он, засыпая?
Что видели его померкшие глаза?
Так горячо и пламенно хранимый,
В душе поэта — казака
Крест и ковыль с степи родимой
Унес в далекие края.

Сумерки европейского коммунизма.

Об европейском коммунизме, конечно, можно говорить только с известной оговоркой. Ибо, как самобытное политическо-общественное явление, он никогда не существовал, всегда будет жалким и бледным подобием московского первоисточника.

Коммунистические „партии“ Европы по существу были только политическими подкидышами III интернационала. Коминтерн их родил, их воспитывал реформировал и верховодил по своему усмотрению из Москвы, лишая фактически их даже самой безобидной тени независимого существования.

Пока Европа корчилась в болезненных конвульсиях послевоенного хаоса, — экспортированный из Москвы коммунизм паразитировал в ней с внешним подобием настоящей жизни за счет всеобщей разрухи и массового отчаяния тех, кого война разорила и лишила последней иллюзии в возможность лучшей жизни.

Но, мало-по-малу, Европа стабилизировалась политически и экономически. Капитализм благополучно обошел Сциллы и Харибды послевоенной разрухи. В то же время коминтерн явно проигрывал свою большую ставку на всемирную социальную революцию. Москва — против своей воли должна была выбросить карту Европы из своей революционной колоды и обратить свои взоры на непочатое дно многообещающей Азии, пребывающей сейчас в состоянии усиленного национально-политического перерождения.

В Европе большевицкий коминтерн имел три довольно импозитных собственных отделения: в Германии, Чехословакии и Франции.

Понятно, что ныне он неохотно прощается с этими многочисленными по своему личному составу коммунистическими партиями.

Как и следовало ожидать, красная Москва — в роли политической няньки своих европейских детищ — оказалась „на высоте своего призвания“. Не зная, или сознательно игнорируя фактическое положение вещей в западноевропейских странах, московский коминтерн своими инструкциями, т.-е., разными бумажными пунктами принуждал европейские свои филии к политике, которая, естественно, раньше или позже должна была закончиться полным их крахом.

Со времени укрепления позиции Сталина в Москве, — этот разгром европейского коммунизма из большевицкого центра стал почти планомерным и несомненно систематическим.

Его жертвою в первую очередь пала германская коммунистическая партия.

Далее на очереди стали французская и чехословацкая коммунистические партии. Москва требовала от них ультралевого политического курса, революционного подъема среди масс, постоянных забастовок и враждебной тактики по отношению к иносоциалистическому рабочему движению в этих странах.

Понятно, эта политика не могла содействовать успеху названных партий среди рабочих масс, которые социально и экономически стра-

дали от такого политического азарта, противоречащего фактическому положению вещей и настроению сознательных масс рабочего класса.

На страницах этого журнала в свое время подробно писалось о полнейшем фиаско т. наз. „красного дня“ в Праге, организованного по приказу из Москвы.

Эта неудача, как оказалось, не смутила коминтерна. Свою политику он продолжал в том же духе по отношению к Франции и Чехословакии сообща. Свое благосклонное внимание он устремил на профессиональное движение, стараясь всецело подчинить его политической команде, что было возможно, благодаря большевицкому влиянию на европейский „Международный Всепрофессиональный Союз“, как коммунистического соперника амстердамского профессионального центра.

Так началась эра безнадежных наперед забастовок и дискуссий в коммунистических партиях Европы с целью их большевизации, и систематическая „чистка“ личного состава этих партий, имеющая в виду изгнание из них всех нежелающих быть на побегушках Москвы.

Результаты этой работы коминтерна были, конечно, весьма плачевны для существования названных партий.

Во Франции — проигранные забастовки горнорабочих на Луаре и текстильщиков на севере. Опала посмешиного иметь свое мнение и проявившего неповиновение к Москве коммунистического лидера Рено-Жана... Нагоняй другому коммунистическому матадору Дарю за то, что он молчал, и пр.

В Чехословакии эта политика революционной интервенции коминтерна закончилась крахом недавней забастовки в текстильной промышленности,

В общем, в Чехословакии коминтерн особенно зарвался и поэтому здесь крах коммунистической партии разыгрался в последние дни неизбежно и стихийно.

Политбюро Ч. С. К. П. очутилось в руках неведомых в рабочих массах и в местном социалистическом движении людей, юных возрастом, но ультралевых по настроению и преданных Москве.

Ч. С. К. П. пребывает, собственно в хроническом кризисе еще с июля месяца прошлого года, когда провалившийся „Красный день“ — вызвал в рабочих массах отрезвление от большевицкого гипноза и заставил их вожаків призадуматься над роковой ролью коминтерна в жизни этой партии.

Последнее фиаско текстильной забастовки, а затем ставка нового Политбюро на ультрареволюционную карту вызвала, наконец, домашнюю революцию в партии и явный раскол в ее рядах.

Сигналом этого внутри партийного восстания было открытое воззвание „7“ писателей — выдающихся членов Ч. С. К. П. — к массам, с уничтожающим обвинением политики партий-

ного Политбюро, опубликованное в виде прокламации 26 прошлого марта.

Этот документ очень хорошо характеризует местную компартию, почему не лишним будет процитировать из него некоторые места:

— „Ч. С. К. П. — читаем мы в этой прокламации — в последнее время пребывает в кризисе, который угрожает уничтожением ее, как боевой рабочей партии... Растет индифферентизм членов к действиям партии, возникают расколы, которые нельзя оправдать ни партийным интересом, ни интересами рабочего класса, но которые вытекают из ошибок товарищей, совершенно непонимающих рабочего характера и всеобщего положения, и поэтому ведущих ч.-сл. пролетариат к политическому, чисто фракционному азарту, который не может окончиться иначе, чем потерей массового характера Ч. С. К. П.“...

Далее авторы этого воззвания, вчерашние еще лидеры и активные работники ч.-сл. компартии решительно обвиняют ее политцентр в самоубийственной политике, в политике громких слов и расколов во что бы то ни стало, называет их „вредителями коммунизма“, пособниками буржуазии, смотрящих на рабочих как на „опытных кроликов“, увлекающихся „бумажною революционностью“, и предающихся „фракционному терроризму и незрелому фанатизму“...

Поэтому воззвание „7“ апеллирует к рабочим массам, призывая их к тому, чтобы они поднялись и спасли партию перед неизбежным тупиком, в который оно безусловно попадет по воле теперешнего Политбюро.

— „Компартия — говорится в конце этого воззвания — теперь в опасности, товарищи! Никогда она не переживала большей... Вы должны сказать свое слово, вы должны действовать, если не хотите в один прекрасный день очутиться у развалин того, что вы любили, во что верили, на что надеялись...“

Воззвание интересное и симптоматично, но... запоздавшее. Год тому назад оно могло бы еще пожалуй возродить Ч. С. К. П., теперь это почувственная надгробная речь к глухим уже ушам тех, кто слишком долго был „опытным кроликом“ — большевицкого революционного азарта за чужой счет.

Профессиональное рабочее движение в Ч. С. Р. — первое объявило войну Политбюро и ведет ее пока успешно. Попытка Москвы ликвидировать этот нежелательный для себя конфликт, окончилась неудачей.

Повидимому большевицкий туман рассеивается в Ч. С. Р. окончательно. Политбюро не остается пока другой работы, кроме отлучения от партии взбунтовавшихся оппонентов. Оно это делает с большим жаром.

Однако, разложение захватило уже весь партийный организм ч.-с. компартии. Даже среди депутатов и сенаторов Политбюро потерпело большое поражение. 26 из них против 19, при 11 воздержавшихся, заявили свое veto против

политического курса Политбюро и публично в прокламации к рабочим массам местной компартии, в которой Политбюро выражается недоверие по всем пунктам активной ее программы.

Кризис Ч. С. К. П. еще не изжит. Наоборот, как раз теперь достигает своего апогея... Понятно, Политбюро старается всячески починить свой „тришкин кафтан“, но, повидимому, безуспешно. Ибо главный герой, т.-е., рабочая масса, явно индифферентна к этой партизанской неурядице среди своих вожakov бывших, теперешних и претендующих быть ими завтра.

Недавно еще миллионная партия, сейчас тает, точно снеговая лавина на жарком солнце. По подсчетам одного из ее лидеров, она, благодаря, последнему кризису потеряет в общем

около 400.000 голосов. Недавно при выборах в местные сеймы она потеряла 150.000.

Коминтерн и Москва могут радоваться, что своею политическою премудростью положили на обе лопатки одну из наиболее организованных своих филий в Европе.

Европейский коммунизм очутился в безнадежных сумерках. Над ним спускается ночное покрывало политического небытия.

Московскому коминтерну угрожает всеобщее осиротение. Ибо, что сегодня случилось с Европою, завтра случится с Азией и другими континентами, где коммунизм был только модным привозным товаром для временных местных потребностей.

Sic transit gloria mundi!..

Инж. В. Бейсуг.

К проблеме нашего экономического возрождения.

II.

Указывая разницу между ценностями экономическими, как ценностями относительными, и ценностями абсолютными, мы наметили верхний предел в оценке значения экономического возрождения; идти еще дальше, значило бы переоценивать и впадать в материализм. Нижняя граница однако переступается очень легко и незаметно, — и с тем большими последствиями. Это уже недооценка. Экономическое благосостояние народа не высшая ценность, но в то же время она слишком большая ценность, чтобы служить полем для каких либо экспериментов. Коммунизм — это небывалый эксперимент с посадкой на Востоке идей, выросших на Западе. Привитие на Востоке марксизма, автор которого все свои выводы делал на основании данных истории Франции и Англии, — не есть ли это эксперимент в полном смысле слова, даже без критики марксизма по существу? Мы понимаем экспериментирование широко и видим его там, где его не видят другие. Впрыскивание в экономическую жизнь каких бы то ни было идей, родившихся не в процессе именно экономической жизни, с целью направить экономическую жизнь по иному пути, чем путь органически вытекающий из сути экономики, мы называем экспериментированием. Этой болезнью в наши дни бывает часто больна и Европа.

Редко какая политическая партия Европы не затрагивает и вопросов экономических. Но на чем же строятся разрешения таких вопросов? — На политических догмах партии. Партия добирается до власти и начинается экспериментирование новой программы. Абстрактные положения, созданные в головах партийных вожakov, созданные совершенно без всяких связей с реальной экономической жизнью данного момента, надуманные иногда уже десятки лет назад, становятся исходным пунктом регулирования и экономической жизни. У последней отнимается всякое право на свои собственные интересы и свой собственный путь развития; ее подчиняют догмам политическим, социальным и т. д. Это прототип экспериментов большевиков, только в более мягком виде, да с той разницей, что экономическая жизнь во многих странах оказывается слишком внутренне крепкой, чтоб реагировать так болезненно, как болезненна была реакция на эксперименты Красной Москвы.

Тот же Гордиев узел вопроса о пошлинах запутался в Европе в значительной доле из-за экспериментирования в области экономической жизни: поддержка по политическим соображениям ряда видов народного труда несостоятельного экономически. Подобное экспериментирование является одной из современных конструктивных болезней. Причина ее в расхождении теории

и практике, в чрезмерной абстрактности идеологических построений, хронически отстающих от хода реальной жизни, в столь глубоком углублении в теорию, что вынырнуть из нее на практику жизни делается невозможным.

От подобной болезни — упаси нас Боже! Только не кабинетные программы, но программы, диктуемые реальной жизнью и вырабатывающиеся в ее ходе! Только ничего не насаживать! Только не вырубать своих лесов для посадки диковинных заморских растений! К сожалению и у нас есть причины опасаться этой болезни — наследия Императорской России. В короткий промежуток времени от февральской революции до девятого вала красных полчищ и в Казачьих Землях слишком много проявилось забывчивости, что не люди для программ, а программы для людей. И у нас жизнь слишком часто рассматривалась через программные очки всяких группировок, блоков, партий, уклонов и т. п., — в результате реальную жизнь и ее интересы видели иногда мало. А как же можно строить жизнь, и в частности жизнь экономическую, не исходя из нее самой? При таком подходе нам ничего не построить и ничего не возродить.

Невольно хочется провести параллель, вспомнив на минуту недавние дни выборной кампании в С. Штатах. На страницах европейской прессы в многочисленных статьях, посвященных выборам президента в С. Штатах, приходилось читать много характеристик Хувера. Последняя кампания в Заокееанской Республике была борьбой двух личностей: Шмита и Хувера. Народ поддержал Хувера, а след. одобрил его мировоззрение. В царстве доллара наиболее существенным в воззрениях человека является его экономическое credo (хорошо это, или плохо — дело другое). Вокруг экономической политики и шла в значительной части борьба. Программные положения республиканской и демократической партий, представляемых Хувером и Шмитом, слишком близки между собой, чтоб можно было говорить о борьбе двух программ. Борьба двух личностей тут была не столь борьбой носителей двух различных credo, сколь скорее состязанием двух представителей органически различных подходов к решению тех же вопросов. Победа Хувера и его вступление на пост президента свидетельствует, что его подход к решению современных проблем С. Штатов пришелся по вкусу американцам,

Едва ли будет неправильно именно в этом подходе искать ключ к пониманию и экономической политике С. Штатов в настоящем и ближайшем будущем. Характеризуя Хувера, пресса единогласно констатировала у него своего рода „инженерское мировоззрение“, „инженерский“ подход к вещам. Хувер не только ин-

женер по титулу, но как бы и по воззрениям. В области реальной жизни для него нет отвлеченного решения вопросов, всякая отвлеченная проблема для него принимает тело машины, нуждающейся в поправке, облекается в форму той или иной организации, конструкции. Для такого человека не существует общих мест, пустых фраз, и крикливых призывов. Место — у него заполняется конкретным содержанием, фраза не остается висеть в воздухе, но превращается в действие, вместо призыва идти — он просто берет и ведет. Все это „американизм“ в лучшем смысле слова, те достойные подражания черты американского народа (подражания достойны именно эти черты, ибо в „американизме“ есть и много темного), которые привели страну к невиданному богатству и материальному благополучию. Этот „американизм“ выработался в процессе исторического развития С. Штатов так же естественно, как выработалась лень и беспечность итальянца из южной Италии, „забитость“ русского крестьянина, фатализм восточного человека.

Воззрение Хувера — это точка над „и“, над развитием и жизнью всей его страны. И может быть именно теперь, когда эта точка поставлена, наступает время произвести объективный анализ и синтез и дать теоретическое толкование жизненной практике американизма. Своя теория в нем безусловно есть. Мы не можем на страницах этого журнала заниматься разбором такой теории; мы хотим лишь уловить в ней ее главную суть, ее исходный пункт, чтоб с ним подойти к вопросу экономического возрождения и Казачьих Земель.

В „инженерском воззрении“, так ярко воплощенном в Хувере, мы и видим исходный пункт этой „теории“. Инженерное искусство есть наука о постройке тех или иных сооружений, о создании — чего, это уже зависит от специальности данного инженера. Т. обр. инженерное искусство уже по своему существу есть наука жизненной практики, а не абстракции. И „инженер-теоретик“ все же в сущности есть практик. Данная местность, данные обстоятельства, данные условия и т. д. — все данное; в этом конкретном данном всегда исходная точка работы инженера. Работа инженера совершается по строго обдуманному плану, но в то же время она не может быть „программная“ в том смысле слова, в каком бывает программа деятельности политика, общественного деятеля и т. д. Программа инженера — это план конструктивного положения его запаса технических и др. знаний, при посредстве которых он намеревается подчинить и заставить себе служить материальное окружающее. В каждый данный момент, в зависимости от сочетания тех или иных обстоятельств, он употребляет новый прием, считаемый им наилучшим для достижения данной цели. Для данной постройки он избирает камень потому, что он в данной местности дешевле и более подходит для назначения дома, но не потому что „а недурно бы иметь дом из камня“... Несмотря на то, что вокруг все мельницы приводятся в движение нефтяными двигателями, он может прийти к заключению, что для данной мельницы солома будет выгодней. Он не приезжает с заранее готовыми чертежами, но создает их на месте, изучив данную обстановку и индивидуальные ее элементы. Инженер не говорит просто „хорошо бы оросить эти поля“, но „хорошо бы использовать данную реку для орошения этих полей“, давая тем не только мысль, но и форму ее проведения. Гибкость, применимость к окружающей действительности, отсутствие сухой схоластической догмы, манера оперировать не просто с мыслями, но мыслями облеченными в некоторую форму, отсутствие желания надевать на всех один и тот же колпак, но готовность сфабриковать его для каждого по мерке, желание построить такой дом, чтоб он отвечал интересам жильцов, но не наоборот, — заставлять жильцов применяться к построенному дому и т. д. — вот необходимые качества инженера.

Мы говорим об инженере и... нарисовали несколько черт из образа Хувера, а с ним и образа того американца с „инженерскими воззрениями“, который создал экономическое благосостояние современной Америки. „Глас народа — глас Божий“, говорит по-

словица; десятки миллионов голосов самого богатого народа света подтвердили, что этот путь правилен. В самом деле, не есть ли иной путь до известной степени просто нелогичен? Экономическое благосостояние есть понятие измеримое числом, понятие материальное; как такового его формы должны быть создаваемы теми же путями, какими строят все инженеры, на основании тех же технических принципов. Постройка ж.-дорожного моста на принципах коммунизма покажется каждому дикой идеей, а между тем построение конструкции экономической жизни экспериментируется на любых началах. Тот факт, что экономическое явление трудно отделимо от явления социального, т. е. явления из области, где отсутствие материальности затрудняет применение правил инженерного искусства, положения не меняет, ибо мы рассматриваем лишь принципиальную сторону вопроса, и можем всегда провести чисто практическое выделение экономических моментов. В этом „инженерском“ воззрении американцев мы видим светлое начало американизма, а в воплощении его в Хувере — залог и будущего материального (подчеркиваем, материального) благополучия С. Штатов.

Экономическая жизнь наших дней настолько разнообразна, многогранна и пестра, что укладывать ее в узкие абстрактные правила больше нельзя; это надо или открыто признать — так сделала Америка, или не признавать принципиально и не хотеть признавать — так делает красная Москва, или заниматься самообманом, — на этот скользкий путь становится часто Европа. Чтобы не повторяться в примерах, т. к. мы будем иметь случай еще часто ссылаться на Америку, мы обратим сейчас внимание лишь на один факт: в огромном государственном теле Заокеанской Республики существует собственно лишь две партии. Чем это объясняется. Встретиться такое явление в Европе, можно было бы предполагать консолидованность политических интересов; в С. Штатах мы склонны объяснять иным: в Америке осью жизни есть доллар; вокруг него, т. е. экономических интересов, идет вся жизненная борьба; наличие только двух партий показывает признание непригодности и нерациональности в области экономической жизни партийно-догматического образа действий и мыслей. Политику и партийную организацию, как форму политического пульсирования мы не отрицаем. Но от политики ради политики — категорически отказываемся. С того момента, как политическая тактика застывает в догму, она превращается в политику ради политики, ибо перестает отвечать духу неизменно меняющейся и вечно текущей жизни.

Странно было бы говорить, что в Америке нет политики, но политики ради политики там нет. Не жизнь приспосабливается там к политике, но политика подгоняется под требования жизни. В отношении экономической жизни это, напр., особенно ярко выражено, так что скорее можно говорить, что политика С. Штатов служит их экономике, но не наоборот. В Европе же политика, как догма, претендует на всеобъемливість, стремится пропитать собою все и обращается в политику ради политики. Этот путь мы считаем несоместимым с нашим экономическим возрождением. Так возрождают большевики: когда завод останавливается, они начинают чистку заводского партийного комитета, или, затворившись в четырех стенах, начинают искать рецепты в теоретических программах своих кумиров. А заводу нужен между тем... инженер! Интересно, что в основе происходящего сейчас кризиса-раскола коммунистической партии в ЧСР лежит именно борьба двух видов политики: политики, определяющей жизнь, и политики, определяемой жизнью. Первую ведет политбюро, строго следующее по стопам своих московских собратьев; вторую — группа, имеющая за собой профессиональные организации. Вторая группа, уже по своей природе более соприкасающаяся с реальной жизнью внесла в свою программу следующее положение: „нужно, чтобы политика и тактика (профессиональных организаций) отвечала данным возможностям, опираясь на действительное положение вещей и из поднебесных парений вернулась к реальной действительности“ (!) — положение удивительно знаменательное и при логике до конца долженст-

вующее собственно привести к... отказу от коммунизма!

Итак, подчеркнем еще раз: политика весьма важна, но как нечто определяемое жизнью и без претензии на безграничный приоритет. Своеобразное подтверждение нашим мыслям дает текущая конференция репарационных экспертов. Куда уже, кажется, придумать более политический вопрос, чем вопрос репарационный и все же и победители и побежденные пришли к заключению, что одной политикой дело не решить. Заставить платить — это политика, решить вопрос исполнимо ли это и найти путь исполнения — в этом политика признала себя бессильной. Идея коммерциализации репараций — есть идея превращения всего вопроса в вопрос конкуренции и организации. Мысль об учреждении специального международного банка для разрешения репарационного вопроса — это проект чисто „инженерский“. Осуществится этот проект, или нет, — он все равно останется навсегда знаменем нашего века рационализации: пожалуй первое в истории решение вопроса мировой политики конструктивно-организационным путем, с точки зрения объективно определенных наилучших возможностей достижения поставленной цели.

Сделаем теперь наши конкретные выводы. Мы полагаем, что с момента установления политического бытия, делающего возможным свободное построение экономической жизни, вопрос экономического возрождения Казачества должен решаться, как вопрос орга-

низационно-технического характера, через экономику и на ее принципах. Всякое экспериментирование и навязывание инородных начал и принципов, или идеалов, чуждых по времени, происхождению, или своему неэкономическому характеру, должно быть отброшено всеми силами: в экономическую жизнь — экономику, в политическую — политику. Никаких искусственных прививок, пересадок и впрыскиваний. Никаких оторванных от жизни отвлеченных программных положений, но „инженерский“ исход из потребностей времени и реальной действительности. Никаких партийных стекол, но смотрение прямо в глаза окружающей действительности. Учет настоящей обстановки и уступки лишь во имя конкретного будущего, но не во имя отдаленных и отвлеченных прогнозов. Машина, конструкция и организация — исходные лозунги. Твердое усвоение положения, что экономическое благосостояние Казачьих Земель, хотя и не есть конечная абсолютная цель их населения, но все же есть высшая из других подобных относительных ценностей. Вот первые принципиальные положения в нашем подходе к будущему экономическому строительству Казачьих Земель, которые мы считаем за единственно реальные, действительные, и жизненные, и которые мы положим в дальнейшем в основу оценки приемлемости для Казачьих Земель экономических систем коммунизма, социализма, капитализма и кооператизма.

(Продолжение следует).

Шамба Балинов.

„Свободное Казачество в свободной России“.

„Но скажите, почему у нас такая разнесчастная доля, что когда в некоторых кругах эмигрантской интеллигенции начинается усиление религиозного чувства, то вместе с Богом у нас обязательно ввиваются националистические и реакционные нотки, и в левых кругах начинают покрикивать на русские национальные меньшинства: эй, вы, там, потише; хотя вы народы вполне почтенные, но мы русские, тоже народ ничего себе — главный“. (Ст. Иванович, „Дни“ № 21).

... Казачье население, веками воспитанное в самодисциплине и чинности, порядливое и законопослушное косо глядело и сторонилось распоясанных крикливых всероссийских пришельцев и сокрушенно говорило, что это они, иногородние, принесли с собою из беззаконной, расхлябанной, огаженной всяческими злодействами, распутством, изменой и сквернословием России свои зверинные нравы, свои волчьи навыки, свою заносчивость, хвастовство, нестерпимую грубость и никогда невиданную на Тихом Дону преступность и дороговизну... (И. Родионов — „Жертвы вечерние“, ст. 45).

Некоторые политические группы в казачьей эмиграции выбросили лозунг „Свободное Казачество в Свободной России“. Подобный лозунг, но в иных словах, а именно „Российская Федеративная Демократическая Республика и Свободное Казачество в ней“ провозгла-

сил орган казачьей фракции Милюковской группы — „Путь Казачества“.

Полагают, что эти лозунги несут спасение Казачеству, а по существу они являются лишь естественным продолжением того традиционного мышления, того „режания в небесах“ русской „космополитически настроенной“ интеллигенции, занятой решением „мировых вопросов“, но вместе с тем далекой от понимания реальной обстановки русской действительности.

Указанные лозунги являются плодом того традиционного взгляда, который, в силу различных причин, усановился в умах русских людей.

Внешняя сила и мощь б. Российской Империи, территориальная ее грандиозность, тот мертвящий централизм, в силу которого на всех концах этой территории сидели русские губернаторы (краевые царьки) с сонмом преданных себе русских чиновников, и то несправедливое, неестественное явление, в силу которого вся жизнь на этом огромном пространстве окрашивалась в „русский“ цвет, — послужили политическим и психологическим основанием к образованию известной мысли, что Россия это — царство русского (великорусского) народа, а все остальные народы суть только удобрение, неимеющее права на выявление своего собственного национального лица.

Жизнь б. Российской Империи была полна резких противоречий: внешняя сила, мощь, а внутри — полное, по существу, бессилие, немощь; во вне — защита и освобождение обиженных и обездоленных „братьев“ — славянских народов, а внутри — упорное непризнание национальных и иных прав всех народов, в том числе и славянских (Польша, Украина, Белоруссия, Казачество).

Это же самое противоречие является уделом и русских демократических и социалистических течений, которые, проповедуя „религию“ — „свободу живой человеческой личности“, вместе с тем решительно отвергают свободу живых национальных личностей — народов живущих на территории б. Империи; стремясь к социальной и национальной справедливости“, к „общечеловеческим“ идеалам“, вместе с тем они не хотят понять, что каждый народ лучше всего осуществляет те же стремления через свои национальные формы, через свой язык, на своей территории, при своем са-

самоуправления, а потому не признают права на национальное самоопределение за народами СССР. Единственная русская социалистическая группа, признающая за всеми народами права на национальное самоопределение, предается всеми другими течениями анафеме.

И вот теперь, после большевистского опыта, после девяти лет эмиграции, следуя по пути этих противоречий, некоторые казахи „отцы“, верные традиционному мышлению, представлениям, субъективным чувствам не хотят понять утопичность и нереальность лозунга — Свободное Казачество в Свободной России“.

Но всякий свободный от предвзятости и рутинности в мысли человек должен согласиться, что, после такого катастрофического крушения огромной империи и распада общности столь многообразных народов, трудно говорить о реальном построении нового государственного объединения этих народов в рамках единой государственности, так как основания и метод такого объединения не могут уместиться в рамках установившихся взглядов.

Человеку, свободному от традиционного русского мышления, легко понять, что в настоящий момент не имеется и невозможно создать такой организационный и боевой аппарат, который в состоянии был бы двинуть народы, входящие в состав СССР, на борьбу с большевиками и за „единую неделимую Россию“.

Лозунг „Великая Россия“, хотя бы и „Свободная“, являясь отвлеченным и внутренне противоречивым идеалом, не имеет шансов на свое осуществление, не может явиться для „негосударственных народов“ и Казачества импульсом борьбы. Гадательна и беспочвенна идея „Свободной России“ именно в условиях русской действительности.

Каждому казаку известно, что, если паче чаяния, каким-нибудь чудом восстановится „Великая Россия“, то первым делом ее руководителей будет попытка уничтожения этого ненавистного „передовым“ русским „казачьего сословия“: тому доказательство 1917 год, когда самое свободное правительство самой свободной России мобилизовало два военных округа против Казачества, против его лучшего сына, первого за 1½ века всенародно избранного Атамана А. М. Каледина.

И несмотря на все это „русское национальное чувство и великодержавная гордость некоторых казахских „отцов“ не мирятся с тем положением, чтобы великорусский народ не царствовал на всем пространстве „от финских хладных скал до пламенной Колхиды“. Эти „отцы“ Казачества, поглощенные желанием также стать творцами „Великой России“, готовы во имя ее жертвовать жизненными интересами родного Казачества; они не считаются с естественными интересами родного Казачества; они не считаются с действительным пробуждением народов, желающих жить на равных основаниях с так называемыми „великими“ народами.

Упускается из виду, что в истории человечества великие государства чаще распадались на ряд самостоятельных государств и в то же время, кажется, невозможно указать ни на один пример, чтобы распавшаяся великая империя возродилась в прежнем объеме, в прежнем величии.

Распад великих империй и возникновение на их месте новых, более или менее национальных, государств являются как бы историческим законом. Примеры распада Ассирии, Вавилонии, Египта, империй: Римской, Персидской, Монгольской, Тимура, Турецкой, Австро-Венгерской, изменение Английской империи — обращение доминионов: Канады, Австралии, Южной Африки, Ирландии фактически в независимые государства, — подтверждают вышеуказанный исторический закон.

Тем не менее некоторые казахи „отцы“ тешат себя надеждой построить „Великую Россию“, а единственным реальным средством для этого „построения“, видимо, являются многочисленность и сила русского (великорусского) народа. Но сила кулака — оружие обоюдоострое: этот старый метод управления не сулит добра и нормального развития ни господствующему, ни подчиненным народам.

А если принять во внимание почти равночисленность великорусского народа, с одной стороны, и всех других народов, вместе взятых, — с другой (54% населения

составляют великоруссы; „Дни“, № 23), и, если принять еще во внимание: 1) трудность в настоящее время пользоваться принципом „разделяй и властвуй“, как это успешно делали старые русские правительства и 2) отсутствие оснований у великорусского народа довлеть над остальными народами в организационном, политическом, экономическом и культурном отношениях, пожалуй, и в боевом, — то обоюдоострость метода физического подавления будет особенно наглядна.

В прошлом естественные, справедливые связи, разумные основы объединения заменялись силой оружия, но это и привело к тем неисчислимым бедствиям, плоды которых мы ныне так обильно пожинаем. Ведь крушение Империи именно зависело от отсутствия здоровых, естественных и справедливых основ государственного объединения: силой-то оружия давили и подчиняли, а полицейско-бюрократический чиновничий метод управления Империи, стремление великорусского народа безраздельно властвовать над всеми прочими народами, духовно и культурно обезличить их оказались не способными укрепить государство и сохранить элементарное благополучие входивших в ее состав народов, в том числе и Казачества.

„Безоглядный централизм дореволюционного режима, насильственная руссификация национальных особенностей, не говоря уже об ограничении некоторых народностей в элементарных гражданских правах“*), естественно, не могли морально и духовно привязать, воспитать чувство любви и уважения к Империи и господствующему народу.

Мало того, нужно вспомнить, как шло т. н. „собрание земли русской“. Это было непрерывное истребление мест, областей, всякого начала местного самоуправления, самостоятельности, начиная хотя бы с удельных княжеств, кончая варварским разорением культурного, свободолюбивого В. Новгорода, Пскова и их колоний, Волгого Дона, Урала, Запорожской Сечи, полное нарушение договора с Украиной, закрепощение Белоруссии, национальное угнетение, принижение культурной Польши, Финляндии и т. д.

Нужно вспомнить кровавые завоевания Сибири, Средней Азии, Кавказа, закрепощение Калмыцкого народа на Волге. Только очевидная опасность такого закрепощения заставила большинство этого народа уйти обратно в Азию. Всюду — путь удушения национальных и областных особенностей, путь обрусения, насильственного крещения волжских народов (Ташкин. Инородцы Приволжско-Приуральского Края и Сибири, Казань, 1922 г.).

Ныне государство, явившееся на смену Российской Империи, и по своей форме и по содержанию исключает возможность здоровой, нормальной эволюции жизни и развития народов б. Империи. Начала „федерации“ и „самоопределения народов“, коими козыряли большевики, давно всем известный обман и ложь.

Собирающиеся заменить большевиков представители великорусского народа и слышать не хотят о настоящих национальных правах народов. „Общее Дело“ № 2, только услышав, что будто „Император Кирилл I“ где-то изъясил свое согласие на национальное самоопределение Украины, Грузии и др., рвет и мечет и называет подобное заявление „разбазариванием России“. „Социалистические“ „Дни“ (№ 24) по этому же поводу бьются в очередной истерике, называя предателями, изменниками всех, кои могут сделать подобные заявления.

Но и другие течения, не исключая и социалистических, вменяют в обязанность народам федерироваться, а главный импульс к этому — не стремление обезопасить, укрепить национальные права, а сохранить укрепить навсегда великодержавные права и интересы русского (великорусского) народа за счет сотни других народов.

Незавидно было положение „не-исторических“ народов в б. Империи; глубоко трагична их доля в нынешнем царстве Сталина; но еще худшее сулят этим народам, в том числе и Казачеству, чающие „Национальной России“.

*) „Последние Новости“ 4 марта 1929 г., № 2903.

Поэтому понятными и естественными являются поиски „малыми“ народами таких путей, которые не привели бы их от одного „опыта“ к другому. А таким путем является освобождение этих народов от ярма советской власти и устройство своими руками своего государственного бытия.

Реальной, жизненной идеей, которая в состоянии породить и поддерживать импульс к великой борьбе за это освобождение, является идея национального и областного самоопределения; главными и единственно-реальными силами, призванными вести такую национально-освободительную борьбу, являются общественные элементы этих народов, в том числе и Казачества; только воплощение в действительности идеи национального самоопределения способно быть реальной основой и деятельной силой развития каждого народа и Казачества. Лишь на почве такого самоопределения можно создать прочную базу для того или иного объединения этих народов вплоть, м. б., до настоящего федеративного государства, если это будет всеми признано за нужное, ибо никогда и нигде по желанию или удобству одной стороны федеративное государство не создается. Таковы примеры С. А. Соединенных Штатов, Швейцарии, Германии и т. д.

Казачеству следует думать о реальных гарантиях своей свободы, волюнтивности. Для казаков единственно реальной почвой, близкой и понятной всем, способной повести на великие жертвы, является Казачество и только Казачество.

Именно эта идея может и должна лечь в основу казачьей политики, а не туманное и гадательное, надуманное и искусственное „Свободное Казачество в Свободной России“ или „Российская Федеративная Демократическая Республика и Свободное Казачество в ней“.

Полная политическая независимость, самостоятельное государственное бытие являются высшей гарантией нормального и всестороннего развития, счастья и благополучия Казачества. Эта идея ясно и определенно выразилась не только в казачьих Конституциях, но и в программах ряда казачьих политических группировок.

Например, Союз Возрождения Казачества в своей политической программе пишет:

Ст. 1. Цели „Союза“:

- а) Освобождение Казачьих Земель от советской власти и восстановление государственной их независимости.
- б) Политическое, культурно-экономическое возрождение Казачества...

Ст. 2. Осуществление указанных в ст. 1. целей „С. В. К.“ мыслит при наличии условий, изложенных в нижеследующих статьях.

Ст. 3. Казачьи Земли должны быть независимыми демократическими Республиками со своими Законодательными (Войсковые Круги, Рады) и прочими государственно-административными и хозяйственными организациями.

Ст. 4. Демократические Республики Казачьих Земель усганавливают как между собою, так и с прочими государствами, явившимися на территории б. Российской Империи, те или иные взаимоотношения.

Ст. 5. К законодательной деятельности Республик Казачьих Земель привлекаются все граждане без различия пола, национальности при соблюдении 4-х членной формулы.

Ст. 6. Гражданами Демократических Республик Казачьих Земель признаются казаки и прочее коренное население Казачьих Земель.
И т. д.

Я умышленно привел столь много статей, чтобы не было недоразумений. Эти статьи не из программы Вольного Казачества, хотя они почти в точности совпадают с программой последнего.

А вот статьи из программы другой Казачьей политической организации — „Союза Единство Казачества“:

1. Всестороннее развитие и возрождение Казачества на основах исторически присущих ему принципах

народоправства, свободы личности и форм земле-владения и землепользования.

2. ... добиваться восстановления Казачьих Областей в форме независимых демократических Республик со своими Законодательными Палатами (Войсковые Круги, Рады) Президентами (Атаманами) и прочими государственными и административными органами и учреждениями.
3. Казачьи Области, будучи совершенно независимыми в своих внутренних делах, для защиты своих прав и интересов во вне выступают в полном контакте, объединенно, для чего вступают между собою в договорные, союзные и т. п. отношения.

Эта последняя организация в своем „Бюллетене“ № 1 свое казачье верую декларирует в следующих выражениях:

„Казачьи Конституции — замечательное достижение и высокоавторитетные этапы в эволюции казачьего правосознания, могущественная школа государственного строительства и политического воспитания казачьей массы.

Казачьи Конституции суть казачьи законы, обязательные для казачьей массы и тех органов казачьей власти, которые в неполном виде еще существуют за границей...

Казачьи Конституции, казачье демократическое законодательство из недавнего героического прошлого, имеющего все основания и корни для будущего, все декларации и постановления наших Кругов и Рад и вытекающие из них логически и психологически положения — вот совершенно реальные политические данные, вокруг коих и во имя когорых могут и должны быть объединены демократические силы Казачества.

Этими данными должны в первую голову и, г. о., определяться программные политические и организационные положения казачьей политической организации. Вне этих условий она перестает быть казачьей“...

Так естественно выпирает подлинная самостоятельность у людей, по складу ума и привычке политического мышления чуждых „Вольному Казачеству“, ибо это — закон природы, сама жизнь: казак не может не задуматься глубоко над будущей судьбой родного ему Казачества и искать путей, действительно ведущих к нормальному развитию тех начал, какие заложены природой и историей в душу казака, а таких путей не много, а только один — путь полной независимости Казачества.

Идею независимости Казачества рядовой казак выражает простыми словами: „А нам Атаманы из Петербурга присылали, да еще с немецкими фамилиями... То же казаки... Нет, будя. Дай Бог на Дон вернуться“... („Последние Новости“, № 2893).

Этому простому казаку не нужен хитроумный лозунг „Свободное Казачество в Свободной России“, а важно и дорого Казачество, как таковое, ни от кого независимое, никем не опекаемое, ни чьим придатком не служащее, а за это боролось Казачество Дона, Урала, Запорожья. За эти идеалы погиб Булавин, эмигрировал Некрасов, засеки полковника Грузинова в Старочеркасске, погиб Каледин, понесло и несет неисчислимые жертвы Казачество в последние годы.

Оно не должно заблуждаться, оно имеет право бесстрашно смотреть в глаза правде и не поддаваться чарам Москвы или Петрограда, или бумажного, словесного федерализма. Казачество имеет право не обольщаться игрой слов, политическим самообманом.

Рядовой казак знает, что Свободное Вольное Казачество было и будет, что казаки давно созрели в понимании своих прав и интересов и умеют их защищать, а „Свободной России“, если исключить трагический 1917 год, никогда не было.

Казаку дорого живое, ему близкое и понятное Казачество, а не отвлеченная, ему далекая „Матушка Россия“. Это нужно, наконец, понять всем казакам и его вождям, в том числе и вождям великорусского народа.

Сергей Макеев.

Константинопольские картинки.

(Из недавнего прошлого).

II. В столовой.

На площади Таксим в больших американских палатках развернулась одна из столовых для питания беженцев.

Обеды начинаются обычно с двенадцати часов, но уже в одиннадцать можно наблюдать целую вереницу людей, стоящих в очереди за билетиками.

Одни с благонамеренными целями спешат отобедать в первую очередь, чтобы не терять золотого времени и на сытый желудок бежать устраивать свои дела, другие же, в расчете на сутолоку, на массовое количество питающихся, на невозможность вести строгий контроль, отобедав пораньше, становятся в хвост колонны, мечтая подкрепить отощавшие животы второй порцией.

Томительное стояние, нудное и скучное, невольно толкает каждого на разговоры, а какаянибудь сенсационная новость вызывает целую бурю горячих обсуждений.

Здесь вы слышите, что на Украине атаман Хмара поднял восстание; кубанцы готовят десант; американцы привезли одежды на двух пароходах; Болгария не принимает беженцев, а в столовой Земского Союза уменьшен паек.

Всевозможные слухи муссируются и широкой волной с прибавлениями катятся по улицам Константинополя, будоража и без того взбудораженную беженскую массу.

Некто в сером штатском костюме, брюнет, с носом, похожим на нос Апполона Бельведерского, с греческим овалом лица, с томными голубыми глазами, вполголоса, но так, чтобы привлечь внимание публики, говорит своему соседу о готовящемся десанте на Кубань.

— Я вам говорю серьезно, что в посольстве узнал насчет отправки казаков. Без огня дыма не бывает, да и к тому же мне дали одно поручение. Только все это делается секретно, чтобы большевики не узнали раньше времени.

Невдалеке стоящий казак-кубанец, уже довольно пожилой, в засаленном полушубке, несмотря на летнее время, нерешительно подходит к говорившему и, наконец, спрашивает:

— Скажите на милость, когда это пойдут на Кубань?

— Не знаю право. Может быть это только праздные разговоры и ничего нет в действительности. Лучше не будем говорить об этом!

Зерно попало на рыхлую землю. Казак уже не ограничивается подобным ответом и старается выпытать больше.

— Ну, а все же? Ведь и я кубанец, хоть сейчас готов ехать, очень даже интересуюсь, как же не спросить...

— Да я же вам говорю, что ничего еще нет определенного. Может и затевается чтонибудь, так держитесь в секрете и зря не болтайте.

Очередь двигается немного вперед и опять замирает на месте. Заинтересованный казак не отходит от господина в сером и, почти, с мольбой в голосе просит его поделиться столь важным сообщением.

— Ну, вот что, — говорит шопотом некто в сером, которого я назову Тимошкиным, не взирая на его сходство с Апполоном Бельведерским, — после обеда выходи по ту сторону палатки и я тебе расскажу в чем дело. Да смотри, чтобы никто не узнал об этом — язык держи за зубами!

Кончается обед. По другую сторону палатки набирается человек двадцать казаков в ожидании важного господина с не менее важными новостями.

Появляется Тимошкин и с упреком обращается к казаку, которому назначил свидание.

— Вот как ты держишь секрет, а еще казак! Я же просил тебя молчать, никому не говорить об этом, а ты что сделал? А? Привел чуть не целую сотню. Э, брат, с тобой работать нельзя!..

— Сделайте милость, ваше степенство, не обижайтесь, это все мои станичники, люди надежные, а не сказать им я не мог. Как же потом дома то покажусь? Ведь стыдно будет и в глаза то смотреть: скажут, что такое важное дело от своих скрыл и укатил один.

Казак чешет затылок, поправляет шапку и окидывает взглядом, просящим поддержки, всех станичников.

Тотчас же несколько голосов выступают в защиту последнего и кольцом охватывают Тимошкина.

— Вот что ребята, запиши всех, раз вы такие дружные, — говорит он, — но чур условие: никому ни гугу, так как это дело серьезной важности и держится в секрете. Не дай Бог узнают англичане, все может лопнуть сразу... Да скинтесь по денежке, кто сколько может. Каждому понемногу ничего не стоит, а в общем то соберется большая сумма, как говорят умные люди: с миру по нитке, голому рубашка! Деньги же нужны большие для такого дела. Американцы хоть и дают все, но лишнее тоже не мешает. И в посольстве просили меня передать всем записывающимся, чтобы не скупилась на взносы.

Один из казаков собирает в шапку деньги, а Тимошкин переписывает на клочке бумажки всю группу.

— Ты сколько Егор Дмитрич внес? — спрашивает один другого.

— Я то? Две лиры. Да разве жалко, лишь бы до мной то попасть поскорее!

На другой день в обеденное время, вся группа поджидает возле столовой Тимошкина, записавшего их в десант. Спрашивать что либо никто не решается, но все мнутя в ожидании каких то новостей. Наконец сам Тимошкин подходит к одному из казаков, хлопает по плечу и шепчет на ухо:

— Передай своим хлопцам, чтобы пришли к немецкому посольству, я покажу пароход, на котором отправят десант.

У немецкого посольства Тимошкин показывает рукой на стоящий на рейде французский крейсер „Вальдек Руссо“, а казаки охают и ахают от восторга.

— Вот это махина, братцы! Огромнейший! На таком долетим в два счета! — восклицает один из них.

— Важно не то, — авторитетно замечает другой, — а ты глянь орудиев то сколько, как навернет, навернет, так больше и не захочешь!

— Не на лодках же ехать, нешто рыбу ловить. Шутки, брат, плохи и у большевиков орудья есть, то же маху не дадут. Вон как в Крыму били!..

— Сколько же посадит он? Я думаю, что тысячи две возьмет, никак не меньше. Вот лошадей нет, это плохо!

— Лишь бы высадиться, а тогда и коровы будут! Усатый казак лет сорока с орлиным носом мотнул головой и многозначительно улыбнулся.

— Послушайте, ребята, расходитесь-ка лучше, чтобы не обратить внимания. Посмотрели и будет! Да помните, что я говорил: никому ни гу-гу. Меня вы увидите в столовой и когда нужно будет грузиться, я вам скажу заранее.

Тимошкин прощается с казаками и уходит.

Дни за днями бегут своим чередом. Ни завтра, ни послезавтра, ни через неделю Тимошкин не появляется, а обманутые казаки нервно толпятся у столовой в ожидании „распоряжений о погрузке“, да смотрят изредка на пароход.

Судят — рядят и, в конце концов, отправляют в посольство ходоков, расторопных, смелых и речистых, которые за словом в карман не полезут.

Оттуда их направляют к военному агенту, где до невозможности удивленный дежурный офицер, выслушав станичников, собравшихся ехать на Кубань, в кра-

-тких словах раз'ясняет, что это обман с корыстной целью и только, что ни о каком десанте никому ничего неизвестно и даже военный агент впервые слышит об этом.

— А как же пароход то, который для нас приготовили? спрашивают дежурного офицера.

— Какой пароход и кто говорил?

— Да что на рейде стоит, крупнейший, с орудьями?

— Здесь много военных судов и они будут стоять, пока не уйдут отсюда союзные войска. А кто вам говорил про пароход?

— Да все тот человек, что записывал, и деньги взял, говорит нужны для посольства.

— Это просто мошенник, который, пользуясь вашей простотой, выудил деньги и дал тягу. Идите лучше в общежитие и никому ничего не говорите, а то над вами же смеяться будут. Ну, с Богом ребята, да будьте осторожнее: впредь, не каждое слово принимайте близко к сердцу!

С печальными лицами ходоки отправляются в общежитие и знакомят всю группу с положением дела.

Так подло на беженском рынке эксплуатировалась господами Тимошкиными казачья доброта и простота, любовь к своим родным землям и готовность в любой момент пожертвовать всем, лишь бы увидеть свои вольные станицы.

Козак Вьдолога.

Кавказское восстание.

(Ко дню 11-летия, 19 марта ст. ст. 1918—1929 г.)

(Окончание).

В 120 шашек, в колонне по шести, двинулась к Темижбеку сотня Кавказцев.

„С Богом, Куба-а-анцы, не робей,

Сме-е-ело в бой пойдем, друзья-а-а-а...“

То затынул покойный старый и дебелый казачина, урядник Михаил Иванович Татаринцев,* выходец из Донщины, из Нижне-Чирских, вспомнивший свою былую молодость и службу и нашу Кубанскую традиционную походную песню...

Десятками голосов подхватили казаки:

„Бейте — режьте, не жалея,
Басурманина врага...“

Оглянулся сотенный назад и... вся передняя шеренга песельников сплошь из стариков, всегдашних главварей станичного сбора — столпов станичного казачьего самоуправления. Здесь и гибкий, маленький Гаврила Чаплыгин, и безпалый Чаплыгин, и Изот Фомич Наумов и старый длиннорылый умница старовер Севостьянов, и б. Атаман Козьма Иванович Стуканов и др. Почти все они погибли в этом восстании, заплатив за право и вольность казачью всем, что так дорого всему живущему на земле, но не погнули свои казачьи выи перед подлыми насильниками...

Позади же, длинную лентою вытянулись верховые казаки — служилые, „дымари“,**) малолетки и все-все, кто поспел в восставший стан...

На рысях, пройдя 12 верст, сотня ворвалась в Темижбекскую. Бурное заседание царило в многолюдном станичном совете, когда в его помещение вошел командир сотни с тремя вооруженными стариками. Появление сотни было весьма неожиданно. Совет собирал все казачье оружие для отправки Одарюку. Как рабы примолкли все. Все оружие было погружено на мажары и в ночь несколькими подводами отправлено в Кавказскую. Темижбек свободно вздохнул и тысячами голосов приветствовал прибывших, выслав на второй день к восставшим баталион пластунов и сотню конницы.

В глухую полночь Кавказцы вернулись домой. Станица и крепость уже охранялись патрулями и заставами. Война пришлым насильникам была объявлена. Это было 19 марта ст. ст. 1918 г.

На второй день, гонцы от Кавказцев были посланы с воззванием в ближайшие станицы. С фронтовыми казаками посылались и старики, как факт восстания всего казачества. Началось разоружение иногородних. Странная казачья натура: безусловно воинственная и в то же время и великодушная; даже во вред своему благополучию. Никто из местных большевиков не был арестован и даже само разоружение их было по мир-

*) В 20-м году, по приходе красных, он лежал больной тифом. К нему был приставлен караул и когда он выздоровел — его расстреляли.

**) Казаки, по разным причинам не служившие в строевых частях.

ному, по домашнему, по свойски. Они же иначе потом отплатили казакам...

Ближайшие станицы откликнулись смело и восторженно. Дмитриевская мобилизовала 26 присяг. Расшеватская выставила все, что было. Кавказская мобилизовала 35 присяг. Трогательной картиной было прибытие Расшеватцев. Длинною лентою, в колонне по три, они прошли по главной улице, медленно, полукругом продемонстрировали по широкой площади, что позади здания управления отдела, и выстроились развернутым фронтом перед крепостью. Длинный крепостной вал времен кавказской войны был сплошь усыпан многотысячной толпой казаков всех возрастов, женщинами и подростками. Здесь было, кажется, все население станицы, собравшееся праздновать свой великий праздник.

Весна давала о себе знать сильнее. Уже подсохла грязь и солнце так приятно грело по весеннему, словно приветствовало своими лучами правое дело своих казаков.

К прибывшим вышел начальник восставших, Войсковой Старшина Ловягин, а позади него, широко шагая, с большим белым хлебом и солонкою на нем, шествовал великан-старик Илья Иванович Диденко.*)

Если бы кому понадобилось рисовать картину „Илья Муромец“ — то нужно было рисовать Диденко. Росту выше сажени, в косую сажень плечи, грузная, но не обременяющая, дородность, черный, как смоль, стройный и красивый, при добром сердце, он имел силу непомерную — вытаскивал с корнем акации толщиною в руку. Его знали все и в др. станицах, а Александр III, при котором он служил в конное, во всех своих путешествиях за границу, всегда брал с собою урядника Диденко, словно этим давал знать иностранцам о всей мощи российской. Да, это был настоящий богатырь.

Группа стариков полукругом сопровождала Ловягина и Диденко. Во главе восставших вернулся смещенный Атаман отдела полковник Репников**). Преподнесение „хлеба-соли“ прибывшим — глубоко затронуло всех, придавая всему движению колорит чего то стихийного, светлого, воскрешающегося...

Одарюк встревожился. Началась ненужная переписка между ним и восставшими, повлекшая последних к поражению, т. к. порыв прошел, а Одарюк успел стянуть свои силы.

Шли дни за днями, восставший стан насчитывал в своих рядах до 6 тысяч штыков, 1.000 шашек, при 4-х полевых пушках и 40 пулеметах, но пыль первых дней проходил.

Когда переговоры воочию убедили всех в их бесполезности совет — военный совет в ночь на 24-е марта решил взять хутор Романовский (станция Кавказская) и разрушить этот очаг красной заразы с его военно-революционным трибуналом. В полночь пехота выступи-

*) Расстрелян после подавления восстания.

**) Уже генералом, расстрелян красными в Елисаветполе в 1920 г.

ла на фронт, имея на флангах пешие раз'езды для взрыва железнодорожного полотна на Ставрополь и Армавир. К рассвету, заняв исходные пункты, она продолжала свое наступление вперед, но в тех местах, где меньше всего ожидалось — густые цепи казаков были встречены жестоким огнем противника, который был, как оказалось потом, в курсе всех мероприятий восставших. Полнейшая неожиданность, отсутствие должной дисциплины, недостаточная твердость всех начальников, слабость общего управления и сознание, что ты восставший, без тыла, без базы — все это сразу внесло полную деморализацию в души казаков и они, растерявшись — отошли в Кавказскую, расплываясь по домам... красные же, выставив пушки в виду станицы — открыли по ней беглый огонь, чем окончательно распугали восставших, принудив более стойких сложить оружие. И напрасно в крепости начальник отряда, Войсковой Старшина Ловягин, расставил пулеметы на завалах для защиты последней цитадели... Пулеметы оставались без номеров... Жигели же бросились в степь захватив с собою часть пожитков и скот.

К обеду красные солдаты вступили в станицу победителями и немедленно же приступили к суду и расправе...

А что же конный отряд? Он, с задачей ударить по тылам, обогнув хутор Романовский с севера и разрушив полотно железной дороги на Тихорецкую и Ека-теринодар, в полночь же занял станицу Казанскую, отстоящую в 10 верстах в тылу у красных. Слово за-травленный волк встретил прибывших комиссар станицы, хорунжий Никита Подымов,*) ударил в набат, поднял всю станицу на ноги и немедленно влил к прибывшим две сотни вооруженных казаков. Силы казаков росли, порыв захватил станицу. Жители несли все на площадь, чтобы накормить прибывших.

Часам к десяти прибыла сотня Тифлисцев, прорвавшись у себя сквозь оцепление красных. Отряд, согласно диспозиции, ждал распоряжения из Романовского, в надежде что он уже занят восставшими. И вдруг, раз'езды донесли, что на Казанскую движутся цепи красных и бронепоезд. Томительное и долгое ожидание и движение противника сразу показали неблагополучие на главном участке. Броневик открыл пулеметный и артиллерийский огонь, у казаков же только шашечка да по десятку патронов... Оставив станицу, конница отступила в степь имея направление обратно к Кавказской, в полном неведении что случилось там, с главными силами. На уровне Кавказской дорожку пересек „охлопкою“ на взмыленном коне казак Сокол и доложил, что красные давно в станице, арестованы старики и уведены в Романовский, а начальник отряда Ловягин — зарублен.

Было отчего призадуматься... А в догонку уже показались броневики. Сотни дрогнули... дух пал окончательно. Некоторых удалось сдержать в густых колоннах, угрозой оружия. Вспаханное поле застопорило красные броневики. Между казаками возник вопрос — куда дальше? Тут же группы их отделялись и веером ползли в безпредельную степь, спасаясь одиночно. Остановились и Тифличане, эти всегда лихие джигиты и отличные песельники Кавказского полка, думя думать: куда дальше? Последний раз я видел скорбный взгляд направленный в мою сторону, геройского урядника Романа Кольцова (нашего первоочередного полка), который вырывал из моей души — „помоги“. На-утро он был расстрелян в своей станице вместе с 35-ю соратниками, переловленными как куропатки, по возвращении их от нас.

Взводными колоннами, угрожая револьверами, не расплываясь, уводили офицеры в глубь степи оставшихся казаков, но — было уже и поздно и незачем. Солнце было уже на закате и с его уходящими лучами, казаки, отделялись незаметно маленькими группами, спасались кто куда мог, а с темнотою небольшая группа офицеров осталась одна одиноконька затравленная,

*) Потом был Атаманом станицы и расстрелян красными в Армавире в 1928 г., по возвращении из за-границы.

на изможденных лошадях, незная что будет завтра...

Наступило 25-е марта. В Романовском уже присыпаны песком вчера расстрелянные лучшие кавказские старики... Среди них и... богатырь Диденко...

Вдова Ловягина подобрала порубаный и исколотый труп своего мужа... Красные запретили отвезать его в церкви... Ближайшие родственники снесли его прямо на кладбище... А не его-ли уважала вся его родная Кавказская станица!..

Весь в слезах, повез к себе в станицу сына студента (душа восстания) старик Солодухин, чтобы хоть предать родной земле дорогое тело в 18 штыковых ран...

Тяжело раненый темижбекский казак Козьминов и оставленный в госпитале в станице Казанской, при перевозке его в Романовский, был красноармейцами нанизан на штыки, в таком положении снят с подводы, отнесен от дороги и прикончен...

Красные искали сотника Жукова, помощника начальника отряда. В Темижбекской нашли полковника Жукова, Георгия Семеновича. Достаточно было этой фамилии и красавец офицер, никому дотеле неведомый, случайный здесь человек и непринимавший ровно никакого участия в восстании, был зверски умерщвлен, а с ним и Войск. Ст. Попов, случайный чиновник-терец, старик Чиреков и несколько казаков...

Кавказский подпоручик Важенский, не желая сдаваться варварам, покончил с собою на берегу Кубани, своею кровью навеки побратавшись с Казачеством...

Семидесятилетняя вдова-старушка Елисеиха, взяв костылик заплетаясь своими старческими ногами, плетется на окраину станицы, где возле стана, вчера был расстрелян ее 50-летний сын...

Все запуганы, все попрятались, никто не смеет выйти на улицу, а ей... ей теперь все равно... Вот и свежие могилки, а так, просто, что то присыпано... да не одна могилка, а много... Тут вчера пострадал конный взвод темижбекцев, высланный от конного отряда выяснить что творится в главных силах...

Закорюзлыми пальцами она разрывает одну могилку, другую, третью... Лежат окровавленные казаки... но сына нет... А что-бы воронье не выклевало бы казачьи глазунки, старушка вновь присыпает их и разгребает следующую... В четвертой могилке — два тела... „он-он... мой родной, единственный сыночек...“ — залилась старушка.

Сиротка с 16-ти лет... Отца его тоже убили в степи разбойники... Только пришел со службы... Отбыл в Закавказье 16 лет царской службы... Пришел, — только бы работать, наживать хозяйство... а его убили злые люди... Вот и сын... учил всех детей... выводил в люди... и за это... за это его убили...

Лежит мертвый бородатый казачина и почему то блаженная улыбка играет на устах... Пробита пулею нога и... лишь маленькое входное отверстие в висок... добит... пристрелен... Пальцы правой руки сложены для креста...

И плетется вновь старушка назад, домой, „за линейкою“, что-бы перевезти дорогое тело в дом... Кругом тишина, улицы пусты... лишь встречаются собаки по дороге, да мечущиеся красногвардейцы... но ей... ей теперь все равно...

В глубокой балке за Расхваткой, сбавив лошадей — прилегли передохнуть три казака. Один из них на часах.

— Появятся — буди! будем отстреливаться. Сдаваться нельзя, все равно разорвут на куски, приказывающим тоном говорит старший из них. Две ночи и день в седле: и без пищи. Истомленные кони. Затравленные. Усталые... Кошмарное будущее... Они только что вырвались из красного окружения. Поймают, опознают — смерть, смерть с мучением. Их поставили вне закона... Отдохнув, двинутся дальше, к Успенской. Покидает и третий их. Остался два родных брата. Ночью прибывают в Успенку. Верные казаки, рискуя головами, приютили их, укрыв на сутки. На утро — в Ставрополе.

Как вор, через гумно, озираючись, пробирается со строевым в поводу, без седла, старший из них, в зады подворья. Младший смотрит ему вслед с крыльца долгим взглядом, провожая, может быть, на веки. Таким взглядом можно вырвать сердце из груди, таким взглядом можно убить человека. Старший не выдерживает, останавливается, оборачивается... — Крест есть? — спрашивает он знаком младшего, показывая на шею. Тот утвердительно кивает головою.

Тронулся вновь... еще и еще раз оглянулся, потом резко бросил последний прощальный взгляд, прыг-

нул с верным конем через канаву и быстро вскочил в подлетевшую тачанку.

Его строевой привязан к упряжным, сам он в старом дубленом полушубке станичного покроя и уже с „советским“ паспортом на чужое имя едет... на ярмарок в Медвежье...*)

То заканчивал первую страницу казачьего освободительного движения... начальник всей конницы воставших.

*) Большое уездное село Ставропольской губ., где бывали обширные скотные ярмарки.

Думы и мысли.

Думы казака.

Вот, только что я вернулся с работы усталый, измученный. Весь в снегу. Усы во льду. Стал обрывать сосульки, руки отказываются служить. Ноги зудят. Спина болит. Есть охота. Покурить нечего. В комнате холодно. Дров мало...

Но... сосульки оборвал; дров принес; затопил печку; стал готовить ужин, накла в чугунок картошки в мундирах и поставил варить, а сам пошел к хозяину занять табаку; тот одолжил на пару папирос. Вернулся я в свою келью, закурил папироску, присел к печке, вытянул руки к огню, вздохнул от усталости и смотрю на картошку — скоро ли она будет готова.

Отогрел руки; подпер рукой свою голову и думаю; вот заходит масленица наша. Бывало дома на масленице блины с кислым молоком, со сметаной, с яйцами, с маслом коровьим. Не успеешь протереть глаза, а бабы зовут есть блины. Сядешь за стол и начинаешь уплетать, а бабы, знай, только поддают. Вылезешь из за стола, живот набит, как барабан, а тут не то что барабан, а просто лягушки квакают в животе...

Вот готова моя картошка, слил я воду, выкинул картошку в чашку и сажусь ужинать. Блины остались в уме, а картошка идет в ход, да еще как.

Ужин окончен, прибрал со стола, прилег на койку и задумался. Думы мои были без мыслей, потому что мысли покинули меня и полетели на Тихий Дон, в родное гнездо, которое я покинул вот уже 10-й год. Мысли мои жаловались на свою судьбу и на житье в эмиграции родному семейству; мысли мои ели блины за родным столом; были на базах, где стояла скотина и где стоял строевой мой конь, и где лежало седло и висела шашка. Облетели они родной хутор и родную станицу...

Вдруг очнулся я от дум, и мысли мои со мной. И думаю, Боже мой, страдаем мы от своей глупости, зачем нам эта „неделимая“. Пошли спасать чужое и потеряли свое. Ведь, Казачество было грозой когда то для многих, а теперь что, каждый смотрит на нас свысока. Приумолкла наша слава. Вот только еще казачьи хоры, да джигиты славят наше имя, а мы, остальные, почти позабыли свои песни...

И снова поплыли мои мысли. Что дала нам Россия и что брала... Где она брала уголь? — у Казачества. Где росли кони для Ваньков? — у Казачества. Где рыба? — у Казачества. Где были разорены кн. Долгоруким городки по Хопру, и Медведице?.. — у Казачества. У кого было отрезано миллион десятин Земли и передано Воронежцам? — у Казачества. Откуда бежал Атаман Некрасов в Турцию? — Из Казачества. Где вешали 10-го? — у Казачества. Где плоты с виселицами? Какой землей наделены армяне около Крыма? — Казачьей. Кто был казненный Разин? — Казак. Кто был казненный Грузинов? — Казак. Кто были убитый Рябовол и повешенный Кулабухов? — Казаки. Кто

был застрелен русским жидом? — Петлюра, казак... Да сколько еще было мучеников, — всех не опишешь. — Вот нам награда была от России.

Хотя Казачество получало эту награду, но жило дома, а с 17 года русский народ принял новое правление и полез на Казачество для уничтожения его воле. И все пожрал, и все разорил. А все через нашу глупость. Не соединиться-ли нам, казакам — Украина, Дон, Кубань, Терек, Кавказ, Астрахань, Урал и т. д... Не ходил бы чужой теперь в наших станицах, и жили бы мы дома и ели бы блины со сметаной... а то теперь картошку, да еще в мундирах.

Вот Атаман пишет, что казаки находятся в 18 Государствах. Зачем же он допустил до этого, что мы скитаемся?

Я вот забрался в Польшу, т. е. судьба загнала в один городок с трудом добываю кусок хлеба, а там на родине семья плачет: все развалилось, и голые, и босые, а над нами жида смеются...

Пойдешь иногда в город, публика гуляет, вся веселая, смеется, а ты засмеялся бы, да не до смеху, одна тоска и грусть.

Вот иду я в город 25 сентября 1928 г. Смотрю по городу афиши (кино): как повстала Польша. Я пошел посмотреть. Народу масса. Вот, вот начало. Публика не дожидется. Пошла первая часть. Появилась туманная картина, а потом осветилась и показался разбитый каменный столб. К этому столбу прикованная женщина, по рукам и ногам, и накрыта голова плахтой, а по бокам стоят 2 русских солдата с винтовками. Эта женщина мучится в цепях. Я спрашиваю у соседа: что это значит, он отвечает, что женщина в цепях, это Польша, а 2 солдата, это Россия. Но вот в тумане мелькнули 2 польских солдата. Картина прояснилась. Польские солдаты выкинули русских, и опять картина туманная. А потом осветилась и вместо закованной женщины явилась красивая, молодая полячка, а вместо разбитого столба образовался красивый памятник, а на нем фигура ангела. Публика в восторге. После картины жизнь Пилсудского и его организация армии. Как Пилсудский летал по фронту, как он жаловал солдат за отличия. Но у меня глаза хоть и смотрели на сцену, а думы были другие. Думаю, почему же наши верхи не сделали так, чтобы их показывали в кино, как героев? Чем же они похвалятся и что они сделали хорошего для родного Края?..

Но... начинается время новое и оно близится. Тогда сольется все Казачество воедино и заживет весело. И будем ходить в кино и смотреть своих героев, кто освободил Казачество из подъярма русского, и вместо хлеба будем есть пироги, а вместо картошки пшонные блины... А про Москву забудем...

Е. Кочетов.

Польша 10/III-1929 г.

Редакция просит всех своих сотрудников и корреспондентов писать разборчиво и по новой орфографии.

Международная жизнь.

Вопрос о репарациях и конференция экспертов.

Вот уже несколько недель, как в Париже происходит международная конференция экспертов по репарационному вопросу. Недопущение на заседания представителей прессы и лаконичность официальных сообщений не дают до сих пор ясного представления о происходящей работе. Однако и скудные имеющиеся сведения достаточны для констатирования того, что репарационный вопрос вступает в новую фазу. Дело идет о „коммерциализации“ немецкого долга. Мысль эта возникла уже довольно давно. Суть ее проста: превращение государственного долга Германии державам по бедительницам в долг частно-правового характера широким кругам частных кредитов, т. е. в превращении долга „политического“ в долг коммерческий. Осуществима эта идея посредством эмиссии Германией кредитных бумаг того или иного вида на сумму всего долга, продажа этих бумаг обычным путем, уплата на полученные средства долга союзникам, и последующее постепенное погашение вновь возникшего долга частным кредиторам в обычном порядке амортизации государственных облигаций.

Возникает вопрос, почему это не практиковалось никогда раньше? — Пожалуй, вследствие укоренившегося мнения, что финансовые круги не стали бы покупать такого рода „политические облигации“; далее дело идет о слишком больших суммах, чтоб не задуматься, окажутся ли мировые биржи достаточно емкими, чтоб проглотить всю массу новых бумаг, — более надежна была бы постепенная эмиссия по частям.

Да и для Германии выгодность такого исхода обоюдоостра: с одной стороны в видах окончательной ликвидации репарационного вопроса союзники снизили бы до минимума свои требования, с другой стороны каждая установленная окончательная сумма долга была бы „слишком окончательной“. Не выполнить в будущем точно и полностью своих обязательств по выпущенным облигациям значило бы для Германии объявить себя государственным банкротом. До тех же пор, пока кредиторами являются не частные лица, Германия может рассчитывать и в будущем, как это было до сих пор, на успех своих непрерывных домогательств всякого рода уступок — продолжения сроков, снижения суммы и т. д.

Такая же обоюдоострость в решении вопроса возникает и для Франции. Раз проведенная коммерциализация долга по отношению к Германии может дать С. Штатам прецедент в будущем требовать такой же коммерциализации долга от Франции. Эта перспектива не носила бы для Франции характер угрозы лишь в том случае, если бы Германия заплатила Франции не меньше того, что Франция должна С. Штатам. Иначе говоря, проект коммерциализации заставляет Францию быть безкомпромиссной в отношении суммы германского долга. В этой то сумме и вся штука. До сих пор согласно постановлению Лондонской конференции 1921 г. долг Германии равнялся 132 миллиардам золотых марок. Давесов план в дальнейшем не затронул общей суммы, определив лишь годичный взнос в 2½ миллиарда. Общая стабилизация мирового денежного хозяйства и определившаяся картина немецкого народного хозяйства позволяют вновь говорить об установлении окончательной суммы. Вопрос однако по прежнему усложнен диаметрально — противоположенными требованиями союзников и Германии. Что хотят союзники? Франция требует столько, сколько сама должна Америке, плюс стоимость восстановления разоренных войной провинций. Согласно договорам годичный взнос Франции с 71 миллионом долларов в 1928 г., доходит до 193 милл. в 1953 г. Восстановление разрушенных провинций исчисляется в 4 миллиарда. Если не считать 75 милл. фр., которые правительство ежегодно отпускает на поддержку инвалидов, то требования Франции измеряются 300 милл. долл. Также и Англия не согласна получать в будущем меньшие взносы,

чем сама платит Америке. Эту сумму ее представители увеличивают еще на 13%, которые правительство Англии платит своим доминионам с каждого репарационного поступления, и на сумму разницы ежегодно возникавшей из-за того, что Англия выплачивала Америке больше, чем сама получала от Германии. Все это дает около 900 милл. долл. Равняясь по другим и Италия требует то, что обязана платить сама. Сейчас обязательства Италии измеряются 25 милл. в год, в 1980 г. ее взносы дойдут до 100 милл. Получая, согласно Давесова плана, от Германии 50 милл. в год, Италия получает в данный момент в 2 раза больше, чем платит сама. Зато к 1980 г. ежегодный взнос Германии окажется в 2 раза меньше суммы, которую должна будет выплачивать Италия. Отсюда и вытекают требования последней об увеличении взноса.

Бельгия выплачивает в год 13 милл. долл., получает же от Германии 30. С этой стороны ее положение наилучшее, но за то между ней и Германией до сих пор еще не вырешен вопрос погашения 6 миллиардов марок, которые немцы выпустили за время оккупации бельгийской территории. Наконец, свой счет предъявляет Германии еще и Америка, не намереваясь скинуть ни одного доллара.

В ответ на все это Германия добивается уменьшения своего долга до минимума. Ее представитель на конференции, др. Шахт, которому так часто приходилось вести переговоры по займам своей страны и доказывать солидность Германии, как должника, теперь приходится доказывать бедность и несостоятельность Германии. По предъявленному счету на 132 миллиарда, Германия согласна платить лишь 32—40 миллиард!

Франции приходится только вспоминать слова, сказанные Бисмарком после войны 1870 г.: „Не знаю, почему мы должны были бы освободить хоть пядь французской земли раньше, чем нам будет уплочено все до последнего сантиметра“.

Несмотря на принципиальное нежелание С. Штатов связывать долги союзников с вопросом репараций, несомненно, что решение всего вопроса в руках американцев: не уменьшит Америка своих требований предъявляемых союзникам, конференция едва ли к чему либо приведет. Присутствие на конференции Моргана, руководителя наимогущественного в мире американского финансового концерна, заведомого друга Франции, и человека пользующегося большим влиянием на свое правительство, создало оптимистическую атмосферу вокруг работы конференции. Характерно и такое сообщение: крупнейшая американская автомобильная фирма General Motors Corporation закупила по двойной цене большинство акций немецкой автомобильной фирмы Опель, выпускавшей до сих пор ежегодно 42.000 автомобилей, а теперь намеревающейся удвоить это число. Если принять во внимание, что успехи такого колосса в будущем зависят исключительно от общего экономического положения Германии (это в свою очередь зависит от решения репарационного вопроса), а с другой стороны, что Морган финансирует General Motors Corporation, то повидимому надежды на благотворные результаты конференции обоснованы.

Отрывочность сведений о происходящей за закрытыми дверями работе экспертов позволяет пока говорить с достоверностью лишь о том, о чем говорит официальное сообщение конференции. В этом сообщении говорится о проекте учреждения особого репарационного банка. Автор проекта пока скрывается. Однако идея даст возможность институции функционировать, как особому международному „тресту“ и при участии на конференции Моргана, этого короля трестов и банков, наводит мысль об авторе проекта. Репарационный банк явился бы той желанной формой, которая поставила бы вопрос о репарациях на коммерческую платформу. Такой банк должен бы был принимать от Германии репарационные взносы, разделять их между союзниками, вести все связанные с этим транзакции, организовывать поставку товаров в счет

долга немцев, играть роль посредника между Германией и банковым миром в случае эмиссии репарационных облигаций и т. д. Полная неполитичность организации и сотрудничество со всеми эмиссионными банками является в глазах экспертов необходимым условием успеха проекта. Исключительное значение и авторитет, какой

бы приобрел подобный банк заставляет финансовые круги быть осторожными в отношении к подобной идее, а участников конференции — детально разработать проект, что и замедляет ход работы конференции и переход к наиболее острому вопросу — установлению окончательной суммы германского долга.

Казачья эмиграция.

Наша печаль.

22 марта простились мы с Юрием Гончаровым. Ушел от нас на веки, в холодную сырую землю, на далекой чужбине певец казачьей Свободы, певец Вольного Казачества.

Печальные наполняли мы, казаки и казачки, маленький храм на Ольшанах в Праге, под холодными сводами которого блесст сотней огоньков пылающих свечей, серебристый гроб, с холодным телом поэта. Его горячее сердце не выдержало внутренних терзаний и лопнуло в тяжелой борьбе.

Христиане и буддисты, Вольные и не Вольные, окружали безвременно ушедшего, забыв распри и волнения, отдавая последний долг угасшему таланту.

Роскошные венки окружали подножье катафалка, у головы его переливался красною тюльпанов — весеннего убора широких казачьих степей, венки „Вольного“, перевитый дорогами сердцу почившего цветами Войск казачьих, рядом с ним лежал нежный красотой нарциссов букет, возложенный Харламовым; Обще-казачья студенческая станица, друзья-кадеты покойного на свои последние крохи увенчали роскошно гроб товарища-поэта и рядом с ними чешско-русский „Мир“ отдал дань борцу Вольного Казачества.

Богатый духом, в убогой жизни, он привлек к себе всех, но не видел ни нас, ни красивых цветов, ни золота огней, ни радостных лучей весеннего солнца.

Отошел с пучком серебристого ковыля на гробе, дара милых дальних степей, перевитым трехцветной донскою лентой, с вышитою любящей рукой хусточкой-платочком.

О ковыле в степи, о Боге в душе покойного, нежно, с любовью говорил над гробом одухотворенный монах...

А я стоял и непрошеные слезы катились из очей... погибла молодость, угасла муза, погиб талант и было так жалко и Юрия, и Вольное, и все Казачество...

Спи спокойно и дождись того счастливого часа, когда кости Твои починут на веки в родной, Вольной, освобожденной Земле Великого Тихого Дона.

С. Ф.

В Братиславе.

22 марта с. г. в день одиннадцатой годовщины трагической смерти К. Л. Бардиж с сыновьями, была отслужена по инициативе Правления студенческого хутора, панихида: по безвременно скончавшемся казачьем поэте — Ю. Ф. Гончарове и К. Л. Бардиж с сыновьями.

И. Б.

В Брне.

Брненский хутор Обще-казачьей студ. станицы отслужил панихиду по б. своем члене Ю. Ф. Гончарове. На панихиде пел студенческий хор.

Новые издания В. К.

Редакция „В. К.“ приняла на себя издание сочинений покойного Юрия Ф. Гончарова. Предполагается издать их в одной книге, снабдив ее и биографией автора.

Часть расходов по изданию редакция „В. К.“ приняла на себя, часть предполагается покрыть предварительной подпиской по выяснении стоимости издания.

Стоимость же эта выяснится после того, как будет установлен размер книги. Это же, в свою очередь можно будет сделать только тогда, когда будут собраны все сочинения покойного.

Редакция „В. К.“ и обращается ко всем друзьям и знакомым покойного Ю. Ф. Гончарова с просьбой о помощи при сборке его сочинений. Кроме „В. К.“, Ю. Ф. помещал свои произведения в „К. Сполохе“ и „Пути Казачества“ (эти произведения в ред. уже имеются). Возможно, что и еще в к. н. журналах или газетах. Об этом последнем и просим сообщить или, что лучше, прислать редактору „В. К.“.

Юбилей Терского В. Атамана.

17-го марта с. г. в Белграде состоялся банкет по поводу 10-летнего юбилея Терского В. Атамана, Герасима Андреевича Вдовенко. Общее впечатление от банкета прекрасное. Банкет прошел оживленно, торжественно и организованно.

Юбиляр, в своей темно-вишневой черкеске с золотой перевязью, с усами „матерого“ казака, казалось перешивал те дни, когда призванный Терским казачеством на свой высокий пост, с гордостью и радостно шел на служение Казачеству.

Первое слово взял себе Е. А. Букановский — Председатель Тер. Правительства. Он подробно и красочно изобразил жизнь и службу Г. А. Вдовенко и привел несколько эпизодов из его военной жизни.

— Мы, сказал Е. А. Букановский, подошли к той грани во-времени, когда хочется остановиться и посмотреть назад к годам 1917-му, 1918-му. Какое было тяжелое и трудное время. Какой упадок духа. Кому мог другому Терек вручить булаву, как не Вам, г. Атаман. Вы с импровизированным отрядом, составленным из дедов и молодежи, очистили Терек. Вы и с конвоем боролись за славу Терского Войска. Вы последним ушли с Терка. Не наша вина, что победа покинула нас. Мы верим и твердо убеждены — прошлое принадлежит нам. Мы не ошиблись, обнавив меч против красных.

Не могу не напомнить об одном случае из жизни Герасима Андреевича. Когда у переправы через Терек, на казаков наседали большевицкие поезда, а Вы были в арьергарде и прикрывали отступающих, в лесу Вы потеряли Вашу люльку. С равнодушным, спокойным лицом, Вы сказали Вас сопровождавшим:

— Постойте, казаки, я не желаю, чтобы моя люлька досталась красным.

Приветствую Вас, г. Атаман и дай Бог Вам донести Терскую булаву туда, где Вы ее получили.

Закончив речь, Е. А. Букановский запел Терский Гимн. Второй стих Гимна запел сам Атаман и присутствующие казаки и неказики с воодушевлением подхватили Атамана.

Е. А. Букановский отметил что „сегодня день Ангела Кубанского и Терского В. Атаманов“ и прочел поздравление Куб. В. Атамана В. Г. Науменко из Кралева и от Объединенного Совета Дона, Кубани и Терка.

Речи говорили дальше: П. И. Курганский — от Кубанской Сидора Вилого Станицы; П. С. Поляков — от Белград. Студенческой Станицы; ген. Топорков — от Кубанского Представительства; Ф. И. Овчаренко — от Терского Представительства; М-м Букановская от лица Терских Казачек; Б. А. Кундрючков от журнала „Вольное Казачество“ Л. В. Зверев и многие другие.

Две интересные речи пришлось услышать от двух дам-хорваток из Загреба: г. Златы Ковачевич и г. Динич. Затем два стихотворения обращены к Атаману от

астраханца ген. Донкова и донца А. Ф. Золотова.

От казаков выступали: проф. Челищев и др.

Много было поздравлений и адресов из других стран.

Группа терцев и казаки — донцы и кубанцы, объединенные в общеказачью Станицу в Крезе поднесла адрес, написанный старым казачьим стилем. Были пропеты Донской и Кубанский Гимны. Пелись в перерывах Терские песни и песни других Казачьих Войск. Казаки плясали лезгинку и казачка.

(Соб. кор).

7-ой станичный сбор ОКСС.

27-го марта состоялся в г. Праге 7-й станичный сбор Обще-казачьей студенческой станицы в ЧСР.

Определенные студенческие круги старались создать для сбора напряженную атмосферу. О потугах черно-красного блока Чапчиков — Гребенников с присными и вольно-невольню к ним примазавшимися, наши читатели уже знают.

Этот блок, обанкротившийся в своей „акции“ против самостийников, потерпел неудачу с созывом членов пражского хутора для перевыборов делегатов 25-го марта — пришло из 50 (?) подписавших протест только... 10 человек. Тем не менее, лидеры его перед открытием сбора явились с требованием о допущении на сбор ни более ни менее, как семи делегатов от их блока, — по расчету 1 от 10.

После длительного совещания, мандатная комиссия отклонила это требование и предложила утвердить мандаты 35 делегатов: от Праги — 21, Брна — 8, Братиславы и Шишбрама по 3.

Почтив вставанием память скончавшихся станичников: г-жи Блохиной и г. г. Воротникова и Гончарова, сбор приступил к выборам президиума. Единогласно были избраны: председателем г. Желдаков, а секретарями г. г. Фролов и Сутулов.

В приветственных речах председателя и хуторских атаманов были высказаны пожелания, чтобы сбор протекал в спокойной, деловой, работе.

Повестка была утверждена в следующем виде: 1) утверждение принятия и исключения членов; Доклады: 2) Правления; 3) Редакционной Коллегии; 4) Ревизийной Комиссии; 5) Смета на 1929 г. Выборы: 6) Правления; 7) Рев. Комиссии; 8) Вопрос о выборах Ред. Коллегии и 9) Текущие дела.

Сбор решил послать обычные приветствия президенту ЧСР и иным, имевшим отношение к станице лицам, а кроме того Обединенному совету Д.К.Т. и выразить благодарность чехо-словацкому народу.

От имени Правления сделал доклад Атаман станицы г. Кузнецов: жизнь станицы течет по двум руслам — внешнему и внутреннему. Во вне Правление станицы поддерживало сношения с Министерством иностр. дел ЧСР; с ЧС Красным Крестом, откуда станица черпала значительные ресурсы для помощи неждивенцам, при рождениях, похоронах и т. д. и т. п. и, главное, с Комитетом по обеспечению образования учащихся.

В 1928 г. станице отпускалось от Комитета по обез. обр. по 2.000 крон в месяц и 1.000 кр. на станичный сбор. Благодаря прекрасному отношению б. главы Комитета д-ра Зазулака, удалось стабилизировать бюджет станицы на 1929 г. в 1.500 крон ежемесячно и 1.000 кр. на сбор.

На прощальном ужине Комитета в честь уходящего его управляющего г. Зазулака последний подчеркнул что „он имел исключительное отношение к казакам, казаки были для него ближе других русских организаций и он уделял им особенное внимание“. В дальнейшем он просил не вдаваться в политику и не разобщаться т. к. в этом была сила казачьей организации.

Поддерживала станицу и чешско-русская земледельческая Еднота.

В особенности же благоприятствовал стабилизации отношений с чехами устроенный станицей бал, хотя и с дефицитом.

Правление устраивало торжественное собрание по случаю пятилетия станицы, принимало участие в тор-

жествах и панихидах. Вообще станица объединяла во-круг себя все казачество — от самостийников до правых.

Основой внутренней работы была помощь неждивенцам вещами и деньгами, на нее отпускалось 900 кр. в месяц, из которых около 500—600 шло на Прагу, а остальные по хуторам. Собирали деньги и по подпискам к Р. Х. и Пасхе.

Попытка образования при ОКХС Комитета помощи неждивенцам кончилась неудачно. Так же неудачна была попытка создания трудового отдела при ОКХС с участием ОКСС; устраивать окончивших было весьма трудно.

Одной из главных акций Правления была издание и поддержка „Каз. Сполоха“. Очень трудно было создать по принципу коалиции Ред. Коллегию, над этим билось три месяца и только когда два члена Правления сложили с себя ответственность, удалось ее сформировать.

Общие поступления за 1928 год равнялись 41.781 кр. из коих в остатке на 1 марта 6.039 кр., в том числе и числящиеся за безнадежными должниками 2.352 кр.

Пршлый станичный сбор обошелся в 3.096 крон. Крупным достижением есть то, что в то время как ни одна из русских студенческих организаций в ЧСР уже фактически не существует, ОКСС стабилизировалась и укрепилась.

Сейчас станица насчитывает 297 членов, из них в Праге — 196, Брне — 66, Братиславе — 19 и Шишбраме 16; из рядов станицы 110—115 душ закончило высшее образование.

От имени Редакц. коллегии журнала „Каз. Сполох“ делал доклад В. Д. Белый, указавший на трудность формирования „коалиционной“ коллегии, которая впоследствии все же исправно работала. Журнал вышел 4 раза за год, в 5 №№.

Коллегия решила отстранить публицистику, перевести журнал на ежемесячник.

Докладчик от Ревиз. Комиссии доложил 3 акта; в первом из них сильно критиковали деятельность по устройству студенческого бала, сведенного с дефицитом в 420 кр. Подчеркнуто было дефицитное угощение гостей, а не участвующих — в 744 кроны, хотя часть продуктов была пожертвованною; непомерно большие расходы на раз'езды устроителя г. Чапчикова, который все еще не внес всех собранных денег; щедрую раздачу почетных билетов, за которые потом ОКСС приплачивала по 5 крон.

Найдены и другие ошибки органов станицы — слабая организация помощи окончившим, небрежное отношение к желанию хора Жарова помочь неждивенцам и т. д.

В отношении реформы журнала Рев. Ком. сходилась с проектом Ред. Коллегии.

В прениях по докладом проявлены были нападки на Правление и Ред. Коллегию по вопросу о встрече Дон. Атамана ген. Богаевского и о реагировании органов станицы на поведение Атамана и его окружения. Нападки велись исключительно сторонниками единенделимства и монархистов.

История эта и полемика хорошо известны читателям казачьей прессы. В критике Правления и Ред. Коллегии по этому вопросу весьма усердствовали член Правления г. Сукачев, он же секретарь галлиполийского землячества, в столовке которого устроили казачий банкет, и г. Чапчиков, член Ред. Коллегии — уподоблявшиеся унтер-офицерской вдове с самосечением.

Застрельщиками были г. г. Туроверов, Козьмин, особенно нападавшие за „самостийническую“ идеологию журнала, и потакание Правления и Ред. Коллегии самостийникам, вследствие непомещения протестов против В. К.

Хорошую отповедь им дал П. П. Вихлянец, член Ред. Кол., между прочим упрекавший устроителей атаманского банкета в том, что они хотели затасить казаков в галлиполийское гнездо, где по стенам размалевана „Русь святая“ и висят портреты вешателей и насильников над Кубанской Радой.

Деловую критику Правления и журнала сделал С. А. Желдаков, указавший слабые стороны, что до внешности и содержания „Каз. Сполоха“, и отношения Правления к делу.

По вопросу о работе Правления и Ред. Кол. было представлено 4 резолюции; в трех из них деятельность Правления признавалась правильной и заслуживающей благодарности, только одна — пшибрамская резко осуждала журнал за идеологическое направление, автор ее г. Туровёров (кстати, сам послылавший в начале 1928 г. свои стихи в „В. К.“) находил, что „этически недопустимо благодарить Ред. Коллегию“. Его резолюция была отклонена, две были сняты и прошла подавляющим большинством резолюция брненцев, выражающая благодарность Правлению и Ред. Коллегии и указывающая, что статьи вызывающие резкую полемику не должны иметь места в „Каз. Сполохе“.

В перерыве работали три комиссии — по смете на 1929 г., по вопросу редакционному и по посылке приветствий.

Затем в частном заседании был принят проект по журналу сходный с проектом Ред. Кол. и одобрена смета определяющая из 1.500 крон: 575 на содержание членов Правления, 250 на хутора, 550 на журнал и остаток на иные расходы.

Более двух часов подряд, в закрытом заседании сбора разбирались вопросы о „самостийниках“, поднятый б. Правлением станицы.

Главное, нужно было установить точку зрения сбора на самостийников ввиду нападков „русских“, старавшихся доказать, что самостийники не могут находиться в ОКСС.

Ораторы были ограничены временем сначала на 5, потом на 3 минуты и, тем не менее, интерес к этому вопросу был так велик, что поглотил почти совсем все время, уделенное для выборов.

В результате прений малочисленные представители непримиримых противников самостийности потерпели полное поражение, т. к. было принято решение о лояльном к самостийничеству среди членов станицы отношении.

Заседание второго дня было разрешено только до 6 веч. и сбор таким образом не имел времени для выборов.

Кандидатами в Атаманы ОКСС были названы г. г. Попков, Вихлянцев и Кузнецов, но они все отказались, названный потом г. Афанасев отказался тоже и было решено произвести выборы Атамана, Правления и Ред. Коллегии путем референдума, в срок до 1-го мая.

По прочтении текста приветствий станичный сбор был закрыт, а после него состоялось частное совещание по поводу кандидатов в органы ОКСС.

По совещании все делегаты были приглашены группой сотрудников „В. К.“ на товарищеский ужин.

На третий день — 29-го марта состоялось еще одно частное совещание, на котором в кандидаты были намечены: в Атаманы — инж. В. К. Попков, в Правление г. г. Кон. Поляков, Бузин, Филимонченков и Э. Николаев; в Ред. Комиссию намечены г. г. Глазков, Сутулов и Дембетов.

Донской и Крымский Кадетские Корпуса.

В 1920-м году в Стернице при Птуи, в обширном лагере, состоявшем из полсотни длинных, крытых толем, барачков, поселились, после долгих странствований по морям, два эвакуированных из Крыма, учебных заведений: Отделение Донского Кадетского Корпуса, впоследствии переименованное во 2-й Донской Корпус, а с расформированием 1-го Корпуса попавшего в Египет, и в Донской Императора Александра III Кад. Корпус, сведенный из Полтавских и Владикавказских кадет.

С первых же дней совместной жизни, обозначилась неприязнь казаков и русских друг к другу. Владикавказцы всегда опирались на Донской Корпус, будучи, не все правда, но большинство, казаки, и верная помощь 1-ой сотни решала исход битвы, или недоразумения в сторону казаков. Несмотря на численный перевес, — крымцам сильно доставалось и спесь „баричей“ и „дворянчиков“ таяла под снежком „калмыченка“. Антаго-

низм особенно вырос при разлуке этих „заклятых“ врагов: дошло до ножей. Так, ныне уже покойному Георгию Сысоеву (Елизавет. ст. В. В. Д.) были порезаны пальцы и многие казаки получили ушибы камнями. За два дня до отъезда, нельзя было выйти из барака: Крымский Корпус, численность которого доходила до 650 человек, с почтительного разстояния приветствовал каждого выходящего градом камней и стук их ударов в стены и крышу напоминал дождь. Первая сотня делала вылазки. Казаки уходили по-двое и потрое и возвращались с набега победителями. Добирались даже в умывальную комнату враждебного барака и там чинили суд и расправу. Эта вражда осталась и после того, когда Дон. Корпус уехал в Билечу в Герцеговине, а Крымский в Белую Церковь.

Казаки в горы, а не казаки в цветущий Банат.

В Белой Церкви крымцы выкинули флаг Романовской Династии — белый, желтый и черный, а донцы, XXXV выпуска уже сзывали казаков под казацки знамена. Так, тайно организованная Казацья Дивизия (впоследствии Кош) насчитывала 67 человек и, имея в каждом классе сторонников, пронизала корпус от 8-го до 2-го класса. Первым знаменем, развернутым Донскими кадетами, было сине-желто-красный — первый Начальник Дивизии, а потом и Кошевой Атаман был казак-кубанец, первая присяга, которую кошевики-кадеты принесли в 1924 году была присяга служить Казачеству, народоправству и Родным Краям до последней капли крови.

Бунчук из конского хвоста, Атаманская булава, казачьи гербы и гимны были регалиями и святыней молодых казаков.

Выпуск за выпуском уходили казаки из родного казачьего Корпуса. Ушли сильные духом, ушло большинство, а те, кто остались, под давлением директора-неказака, поддержанного влившимися кадетами сибирских корпусов, остались в тяжелом одиночестве. Горсточка казаков-сибиряков не усилила казачью часть кадет.

Совершенно изолированные от Казачества, с литературой: „Новое Время“ и „Вестник монарх. совета“, без свободного слова, с какой жадностью иногда читают они журнал „Вольное Казачество“, чудом попадающий в сотни. Проходя сквозь ряд всяческих, подчас обидных, испытаний, какие закаленные бойцы за истинное Казачество выходят из них. Они со школьной скамьи знают, что такое „Казачья волюшка“ и не только знают, но и проповедуют: журналы „Казак“, „Казачья Вольность“ и другие пишутся ими и, скрытые, расходятся между верными.

Давно запрещены казачьи песни, сняты и забыты лампы, отобраны папахи и нагайки, но глубоко ошиблись те, кто думал этим вырвать у казака его казачье сердце.

Шесть выпусков верны идеалам Казачества.

Корпус, как и Институт Женский, носят еще название „Донских“, но роль их, с уходом казачьих детей, почти сыграна.

Казачий Корпус до конца выполнил, перенеся все невзгоды на своем пути — Евпаторию, Стерницу, Билечу и Гаражду, свое задание. Кровь, пролитая в недавней войне за казачье Право и Родной Край кадетами, создала ему прочную славу. Вынес он и другое наследство, здесь, за-границей.

С уходом Донских казаков; генерала А. М. Сутулова и А. Ф. Золотова, кончилось и его воспитательное казачье значение.

На Дону же, казаки, опять, как и в прошлые года, на свои казачьи кровные деньги, оснуют Донской Кадетский Корпус и сами уже распорядятся, что бы у казачьих детей были и казаки-воспитатели, начиная с директора и кончая наставником.

И если шефом корпуса будет А. М. Каледин или К. А. Булавин — то кадеты Каледины или Булавины будут гордостью не только Дона, но и всего Свободного, Вольного, Независимого Казачества.

Кадет XXXV выпуска.

На чужбине,

По окончании антибольшевицкой борьбы в Казачьих Землях, за границей оказались тысячи молодых людей, продолжение образования которых было прервано большевицкой резней. Очувтившись за границей, молодые люди некоторое время, одни дольше, другие короче, находились под влиянием разных штабов и высоких особ из Добармии. Но более энергичные и смелые скоро разобрались в обстановке и поняли, что необходимо делать. В университетские центры, в культурные страны, для продолжения образования! Вот клич, который уже в 1920—21 годах звучал во всех эмигрантских и беженских лагерях на Балканах.

Казачи на чужбине..

Первый ряд — (лежат) слева-направо: Николай Альникин, казак В. В. Д., учился в Сорбоне, в настоящее время работает в Африке, как геолог. Сергей Зубрилов, казак В. В. Д., учился в сел.-хоз. лицее во Франции, работает там же во Франции на ферме. Второй ряд (слева-направо): стоит на коленях, Алексей Филин, уроженец В. В. Д. работает во Франции в качестве механика. Стоит на коленях в серой папахе — Спасский, казак В. В. Д., — учился пению в Италии и Франции. Третий ряд, стоят слева-направо: первый в фуражке Х., казак Уссурийского войска — возвратился домой; второй — неизвестный. Третий стоит с накинутой на плечи шинелью в пенсне — Владимир Минайленко, кубанский казак, инженер, специалист по добыче нефти,

Трудно было пробивать дорогу пионерам. Незнание обстановки, отсутствие организованной помощи, а главное, полное отсутствие всяких средств, мешали осуществлению заветных желаний в один прием. К цели шли этапами. Первый этап — вырваться из лагеря. Второй — добыть средства. На прилагаемой фотографии представлена группа казаков студентов, которые пробираясь „в Европу“, задержались на постройке узкоколейки около селения Элли-дере в Родопских горах Болгарии, чтобы переждать зиму (1921—22), списаться с друзьями, уже в Европе находящимися и, главное, заработать на дорогу.

Не всем изображенным на этой фотографии удалось достигнуть намеченной цели, но большинство ее достигло. Нам удалось узнать о них следующее:

образование получил в Париже и Страсбурге, в настоящее время работает по изысканию нефти на о. Яве. Следующий — неизвестный. Дальше стоит в кепке — Михаил Мельников, казак В. В. Д., учился в Париже и Страсбурге, инженер — электрик и специалист по добыче нефти и золота. Работает в Сенегале. За ним — Попов Константин — казак В. В. Д., художник, в настоящее время — декоратор одного из театров в Париже. Учился в Италии. Сзади Попова стоит Х. — возвратился домой. Остальные два — неизвестны.

Знание и опыт приобретенные на чужбине, верим и надеемся, скоро послужат и родным нашим краям, когда из них будут изгнаны насильники и разорители, что обратили наши богатые земли в руины... Е.

„Русские казаки“ организуются.

21 марта, в 8 ч. в., в Белграде, в помещении Земского Союза, Представительством станиц и хуторов, уполномоченными которого состоят Н. Д. Дувакин и ген. Н. Марков, был организован чай для приехавшего из Болгарии Коман. Дон. Каз. Корпуса ген. Ф. Ф. Абрамова.

Присутствовавших было восемнадцать человек: Н. Д. Дувакин, З. Я. Марченко, ген. Н. Марков, ген. Филимонов, ген. Бакаков, ген. Сутолов, В. Ст. В. В. Орлов, В. Д. Харченко, Бугаев и друг.

Вошедший ген. Ф. Ф. Абрамов, поздоровавшись со всеми, занял свое место за столом и взял слово. Он поздравил присутствующих от лица Донского Корпуса в Болгарии. На это Н. Д. Дувакин, в свою очередь, приветствовал его от лица „Общественного Представительства“, а ген. Н. Марков, В. В. Орлов и ген. Филимонов от своих станиц.

Генерал Абрамов: Я пришел к Вам на Ваше любезное приглашение, чтобы побеседовать и осветить ту обстановку и те события, которые происходят сей-

час в эмиграции, а в частности в Казачестве. Начну с освещения общего и перейду к нашей казачьей жизни. Как известно, после смерти Николая Николаевича, в силу приемственности, его место по объединению общего фронта заступил ген. А. П. Кутепов...

Как известно, Донской корпус в Болгарии, из-за отсутствия больших работ, в сосредоточении не находится, а расбросан по всей Болгарии, все-же я не могу засвидетельствовать Вам то, что мы крепки и, что как офицерский состав, так и казаки объединены и составляют из себя одну сплоченную семью.

Мы держим контакт с ген. А. П. Кутеповым и с Обще-Воинским Союзом. Я посетил также ген. Зборовского, Нач. Куб. Дивизии, и беседовал с ним по этому поводу. Кроме Корпуса в Болгарии и Дивизии в С. Х. С. нельзя не указать на Гвардейский Дивизион ген. Оприца в Париже и на Терский полк ген. Агоева...

Затем докладчик указал на то, что Атаманы не признают А. П. Кутепова и что они даже не поздравляли его в тот ответственный момент, когда ему так необходимо было всеобщее признание. Несомненно, продолжал он, существуют уродливости и бывают недора-

зумения. Присутствие на банкете Атамана Д. Войска от Гвардейского Дивизиона лишь вахмистра Бодрухина и нескольких казаков и ни одного офицера; объединение казаков около Н. Д. Дувакина в С. Х. С.: встреча Атамана в Болгарии не от лица Дон. Корпуса, а лишь от общественных казачьих организаций, и т. д. и т. д., показывают запутанность и сбивчивость казачьей общности. Мы-же, люди военные, и привыкли и воспитаны в дисциплине, двух мнений быть у нас не может. Россия ждет своих сынов и сыны ее должны быть объединенными.

Н. Д. Дувакин: Все это показывает, что мы казаки не самостийники, как нас по незнанию ругают. Казачеству без России не существовать. Ему без нее не быть! Нет и нет! Мы признаем Атаманов, но их окружение не признаем. Позвольте Вам дорогой Федор Федорович, засвидетельствовать свое уважение в начале вами деле по объединению казаков в рядах родного нам Корпуса.

Ген. Филимонов: Я — старый казак и заявляю: Идея народоправства насилуется. Нет контроля и нет „избираемости“. Атаманы отпраздновали десяти-летние юбилеи и нам остается ждать 25-тия...

Г. Персиянов: Позвольте мне довести до вашего сведения, что станица П. Н. Краснова и Центральная Кубанская станица вошли в здешний Обще-Воинский союз, имеют там своих представителей...

Затем было предложено ген. Ф. Абрамову по образцу уже имеющегося в другой стране объединения казаков и офицеров под именем Группы Дон. Корпуса, организовать подобное же в королевстве С. Х. С.

Ген. Абрамов: Подумаю!

Г. Персиянов: А где находятся казачьи знамена, вывезенные из С. Х. С. и кто за ними наблюдает в Чехии? Имеются ли в Болгарии донские знамена?

Ген. Абрамов: У меня в кабинете стоят три знамени Волжских полков, не помню точно.

Ген. Филимонов: Здесь имеется 11 ящиков с регалиями в крепости. Они лежат уже 8 лет не рассмотренными и не реставрированными. Протестовать против этого мой долг старого казака. Наши права пораны.

З. Я Марченко: Разрешите госп. генерал задать вам вопрос, если дело пойдет на наказного Атамана, то никто из нас казаков не согласится на это. Этого быть не может никогда и я первый...

Ген. Абрамов: О Наказных Атаманах никто не говорит. Мы признаем В. Атаманов, но их окружение и некоторая не обяснимая позиция их ведет к подрыву авторитета Атаманов... Вы меня не поняли...

Н. Д. Дувакин: Политика Н. М. Мельникова, ни с чем и ни с кем не считающегося, привела к тому, что мы сейчас видим. От Атаманов уходят люди, а если будет клич, то казаки найдут себе приют в доблестной, родной, казачьей войсковой семье — Донском Корпусе.

В подтверждение своих слов Н. Д. Дувакин огласил письма, которые „печати не подлежат“, а ген. Абрамов рассказал о своей переписке с Представителями Казачества.

Затем гостям была предложена чарка водки с закуской...

(Соб. кор.)

На докладе ген. Абрамова в Софии.

31-го прошлого марта в Софии был доклад ген. Абрамова о своей поездке в Сербию, для свидания с ген. Кутеповым. К назначенному времени прихожу в Русский дом. Против обыкновения, в зале только один стол и шесть, семь стульев, вероятно, для штаба.

В углу несколько казаков о чем то тихо беседовали. Подходившая публика как то невольно „прилипала“ к стене.

Раздалась команда „смирно, г.г. офицеры!“ и на пороге появился ген. Абрамов. Вот, так штука, подумал я... Доклад и вдруг „смирно!“ Но тут же спохватился и мысленно „одобрил“ работу. Ведь публика разношерстная. Надо же им было напомнить, что бы в случае чего не забывались.

Кое-кто поморщился, но делать нечего, на пол не сядешь. Заняв место, ген. Абрамов передал привет от ген. Кутепова и приступил к изложению цели своей поездки в Сербию.

Оказалось, что цель свелась к тому, чтобы „общими усилиями вдохнуть доверие к ген. Кутепову, как хранителю национальных идей Российского государства“.

С этой целью были посещены группы „Воинского союза“. Особенное внимание докладчик уделил Кубанскому гвардейскому дивизиону, „выделившемуся своим воинским видом из всех частей русской армии“. Этот дивизион „настолько поразил своей дисциплиной, организованностью, аккуратностью, подтянутостью“ и пр., что ген. Кутепов просто „не мог оторваться от этой милой казачьей семьи“ и приказал фотографу снимать его с группами и в отдельности с казаками и казачками.

„Пусть в Париже, в этом расхлябанном центре эмиграции посмотрят, — заявил он, — что есть еще зерна русской армии, которые умеют высоко держать свое знамя и уважать своих вождей“.

Старая песня повторяется. Опять как будто „казачки“ похорошели. Ни Марковцы, ни Корниловцы, ни даже Галлиполийцы не заняли так „любимого вождя“ как это сделали кубанцы. „Были поползновения оклеветать внимание от г.г. Дувакина и Персиянова, — атаманов Красновской и Богаевской станиц, но им было указано, что время банкетов и почестей прошло“, — заявил ген. Абрамов.

„Перед нами теперь неотложная работа — объединить всех в „Воинский союз“ вокруг ген. Кутепова, единственного хранителя заветов верховного вождя русской армии Вел. кн. Николая Николаевича“

Ничего нового. Как было, так и осталось.

Г.г. Кутеповы, снова „поворачивают свое лицо к казачеству“. С каким чувством встречали казаки ген. Кутепова остается тайной. Об этом докладчик ничего не сказал.

Ведь и о докладе ген. Абрамова можно сказать, что у слушателей был настолько большой подьем, с таким уважением они отнеслись к докладчику, что, не пожелав сесть, выслушали доклад стоя.

Но если взглянуть серьезнее, то окажется: что те, кому больше всего нужно объединение, как раз то и отсутствовали. Они предпочитали в это время здесь же в русском доме сидеть за винтом в соседней комнате, и совершенно не интересоваться докладом. Кого же больше должен интересовать Кутепов? Если он не нужен тем, то казачеству и подавно. Оно имеет достаточно своих вождей и в наместниках не нуждается.

Казаки стояли, слушали, присматривались, но что вынесли, едва ли ген. Абрамову известно.

И. М.

София, 1-IV, 29.

Казаки во Франции.

С давних уж пор потянулись казаки из всех стран Европы искать себе счастья во Франции.

Шли они из Германии, шли из Сербии и Болгарии, бедные, худые изможденные, непосильным трудом изнуренные...

Прослышав, что есть такая страна — Франция, — где можно работать, зарабатывать себе кусок хлеба, жить в более сносной обстановке, иметь возможность существовать, дышать и думать, — туда и потянулись они один за другим. Сколько их там в настоящее время — никто не может сказать. Всякий из них получал свою карт-дидантите „Russe“, шел дальше, спешил хлопотать о работе, о завтрашнем дне. Распылились казаки по всей Франции, устраиваясь всюду, где только можно. Встретите их и в глубоких угольных шахтах, и в рудниках, и на фабриках сталелитейных, на заводах и в поле, пашущими землю помещика. Все они, работая изо дня в день, добывают себе существование тяжелым трудом молотобойца, забойщика или простого рабочего у плавильной печи.

И вдруг где то прослышали они, то-ли читали, то-ли в письмах кто то прописал, что можно во Франции с небольшими деньгами работать на земле, работать

на ней почти как хозяин. Многих взволновало это, многие затосковали по земле; возненавидели они и шахты и заводы, противны стали станки и машины. Потянуло к земле. Надо писать. Кому и как?

И, действительно, слух был правдивый. В 1926 году Общество Земско-Городских Деятелей поместило ряд статей в газетах о возможностях для эмигрантов взять землю для эксплуатации на трех основаниях: 1) пользования, 2) аренды и 3) дешевой покупки. Это было первое эмигрантское учреждение, которое обследовало этот вопрос и начало помогать подысканием подходящих имений, пустующих из-за недостатка рабочих рук.

Если представить себе Францию до войны и сравнить ее в настоящее время, можно сразу увидеть тот дефект, который привел ее, а особенно Юг Франции, к кризису земледелия. До войны индустрия и сельское хозяйство развивалось по мере наличия капитала и рабочих рук. Незначительный недостаток в рабочих пополнился Италией и Испанией.

Но после войны, сильнее начала развиваться промышленность и забрала рабочих. Потребовался новый прилив рабочей силы. Правительство открывает широкие двери для эмиграции, чтобы дать достаточное количество рабочих для фабрик, закрывает глаза на уход сельско-хозяйственных рабочих на фабрики и тем самым создается кризис земледелия. Крупные помещики, не привыкшие платить хорошего заработка рабочему, продают свои поместья крестьянам; замки забивают, а сами уезжают в город. Крестьяне охотно купившие участки земли, не в состоянии обработать ее сами, а также не могут поднимать, бросают мысль обрабатывать ее, возлагая все на будущее.

Поместья запускались все больше и больше, земли их покрывались дикими кустарниками, да колючей ежевикой.

Все хозяева таких запущенных имений, имели все для работы, но не имели одного — рабочих рук.

Для покупки имения нужен капитал и не маленький, поему последнее отпадало на всегда от мысли эмигранта-казака. Но взять имение с половины с имеющимся наличным инвентарем, живым и мертвым, — это представлялось и удобным и заманчивым. Казаки собирались в группы-семейства, собирались в общую казну все сбережения, снималось запущенное имение и работа закипала.

Общество Земско-Городских Деятелей своими хлопотами добилось у Лиги Наций денежной поддержки, ссужало такие группы от 3-х до 5-ти тысяч фр. и всячески при заключении контракта помогало группе сговориться с хозяевами. Это Общество добилось того что два его представителя находятся теперь при министерстве земледелия в Тулузе и при помощи их можно розыскать имение, заключить контракт и в нужную минуту получить справку.

За период от 1926 года до 1929 года осело на землю много групп, состоящих из казаков и не казаков.

Было ли это удачно для них? Конечно прежде всего все зависит от самих себя, а уже после от внешних причин. Недостаточно, как выяснилось, иметь одно желание работать на земле и иметь небольшую сумму денег, обеспечивающую Вас годовым прокормлением, нужна и весьма нужна крепкая железная спайка данной группы, наличие уважения друг к другу и вера в себя, вера в главу группы. Без этих данных большинство групп, по началу казавшимися крепкими и жизнеспособными, умеющими владеть также хорошо плугом, как и винтовкой, распались быстро, неся в конечном результате крах материальный и моральный.

Не будем говорить о тех лицах, которых прельщало только яркое солнце, чистый воздух и... легкое воображение приятности быть землеробом, — те опре-

деленно разбежались снова по городам и фабрикам, проработав несколько недель. Скажем о сильных группах, группах спаянных крепко и долго борющихся с невзгодами. И у тех появлялось часто сомнение в прибыльности ведения хозяйства на половинных началах. Взяв имение (запущенное) и подписав контракт с хозяином, который дает Вам и коров и быков и лошадей, а также и необходимые машины, вы обязаны прежде всего его поднять, поставить на тот шаг, который позволил бы вам извлечь из этого имения пользу, а затем вы обязаны все в том же состоянии и в тех же letech возвратить и быков, и коров, и лошадей, в каком они были при заключении контракта, а весь доход с имения делить пополам, включая кур, гусей и яйца.

С первого взгляда контракт кажется простым: доход пополам; но взглянув глубже, видите, что из половины вашего дохода много уходит на амортизацию капитала (инвентаря), плюс побочные расходы, страховка и пр., да кроме того мелкие починки машин и тому подобных вещей; все это уменьшает ваш заработок, сводя его иногда в минимум.

Если принять еще во внимание запущенность имения, которое первый год, а может быть и два не давало дохода, то в результате получается печальная картина для польщика: работа неприносящая выгоды.

Предположим, что выбор имения был более удачный и второй год работы, по теории вероятности, должен дать доход. Для семьи нормальной, где есть подростки или старики, работа которых оценивается в ничтожных цифрах, в такой семье быть может доход будет ощущаться как нечто реальное, но в семье-группе, состоящей из сильных людей и здоровых, в силу необходимости отрывающихся от продуктивного труда для того, чтобы сделать ту же работу, которую делает мальчик подросток или неспособный к тяжелому труду старик, тот в итоге своей работы не может рассчитывать на приличный доход, так как, отвлекаясь такими работами, уменьшил доход имения.

Есть группы, которые оптимистически смотрят на будущее и надеются в недалеком будущем иметь хороший доход, что и при условии польщика можно заработать пару тысяч в год. Может быть и можно. Может быть эти оптимисты и правы, но двухлетняя их работа в имении пока не дала больших результатов. Подождем еще и увидим. Я же нахожу, что доход приносимый имением и разделенный пополам с хозяином, не достаточен для польщика, так как польщик со своей половины много тратит еще в пользу имения, оставляя себе незначительную часть.

Гораздо лучше и выгоднее брать имения в аренду, но для этого нужно иметь больше денег, знать годовую прибыль имения (хотя приблизительно), местные условия и существующую в этой местности арендную плату. Система же польщиков многими польщиками была опровергнута, раскритикована и осуждена перед министерством земледелия, как невыгодная.

А. Николаев.

Хороший пример.

Представителю журнала „Вольного Казачества“ Господину Кундрюцкову.

Прочитал в жур. „Вольного Казачества“ № 31 о несчастьи двух казаков (погоревших) Козлова и Бородача, а поэтому посылаю вам 10 фр. и 3 динара для передачи погоревшим казакам.

С искренним почтением к Вам как к борцу за казачье дело и к остальным несчастным казакам.

Скобин.

Р. S. Деньги переданы по назначению Б. К.

От редакции. Редакция просит читателей „В. К.“ присылать ей фотографии, характеризующие жизнь казаков за границей, для помещения в отделе „Казачья эмиграция“. Фотографии должны быть четкие и ясные.

В Казачьих Землях.

На Кубани.

(Окончание).

О возвращении и возвращенцах.

У многих пребывающих за границей существует еще сильная тяга домой. Всем им следует знать, что возвращение равно самоубийству и самоубийству медленному. Для возвращенца обязательно нужно разрешение, за тайный переход границы, в лучшем случае, шестимесячное тюремное заключение и обратная высылка. Счастлив тот, кому просто не разрешают вернуться — значит ему суждено долго, долго жить, хотя этот запрет и значит, что проситель плохо записан у власти.

Прошения возвращенцев пересылаются на места прежнего их местожительства и здесь ГПУ старается узнать всю подноготную о просителе: наводятся справки, что это за человек, что сделал предосудительного, где служил, чем занимался и т. д. и т. п., стараются разведать все, с самого рождения до настоящего времени.

В случае благоприятном, когда абсолютно ничего не найдено, возвращенец получает право на везд. Как только он перейдет границу, свои деньги он может обменять только в государственном банке — по золотому, довоенному курсу — 1 доллар = 1 р. 94 коп.; Боже сохрани продавать валюту из под полы, за это наживет он всяких бедствий гору, хотя желающих купить достаточно, но достаточно и предателей.

За вещами надо смотреть зорко, т. к. при малейшем невнимании их украдут и никто уже не найдет. Как только возвращенец более или менее благополучно добрался до дома, то здесь то и начинаются неприятности: земли не дают, т. к. правом на землю пользуются только те, кто находился на Кубани до мая 1922 г.; возвращенец семью только обременяет, т. к. является лишним едоком, на которого не рассчитывали, а его руки, в современном карликовом хозяйстве, часто совершенно излишни.

Возвращенец сразу попадает в тяжелое положение — где добыть средства к жизни?

В промышленное предприятие его не принимают, т. к. он не состоит в профсоюзе, как „лишенец“, не приобретший еще полных прав гражданства, да кроме того, соввласть имеет толпы своих верных, квалифицированных пролетариев-бездельников, ожидающих мест, как манна небесная; батрачеством не заработаешь — с.-хоз. боится сам излишних осложнений, т. к., раз имеешь батрака, значит эксплуатируешь чужой труд, значит жнвеш с нетрудового дохода, а поэтому плати выше налоговые ставки, лишайся права голоса, теряй право на паек и т. д. и т. п.

Обыкновенно ГПУ сразу арестовывает возвращенца и только в редких случаях дает ему возможность прежде побыть две три недели на свободе — знает, что все ровно не уйдет.

ГПУ арестовывает не потому, что за возвратившимся есть какие либо провинны или на него возведены обвинения и доносы, а так на всякий случай. Люди в ГПУ искусные и выдавшие виды, знающие слабые стороны „опекаемых“ и твердосердые — ничем их не разжалобишь, один лучше другого, а начальник их н-к екатеринодарского ГПУ некто Степанов — плотный, среднего роста и средних лет человек, лично расстрелял более 2.000 душ, как он сам бахвалится.

С момента когда возвращенец попадает в ГПУ и и начинаются страдания его и его родных и близких. Возвращенца числят политическим и поэтому водворяют в центр — в екатеринодарское ГПУ, находящееся на соборной площади в доме Богарсукова около б. гостиницы Губкина. Помещение для арестованных находится во дворе, для одиночек отведено два подвальных помещения, с бетонным полом усыпанным песком, в котором гнездится потрясающее количество блох; одно из них, совершенно темное, служит для особенно про-

винившихся политических, в углу его вся штукатурка оббита, говорят, что там расстреливали заключенных.

Сидение — пытка, каждый день дают теплую воду и хлеб, и раз в неделю открывают двери одиночек, чтобы арестованный вынес „парашу“. Через месяц, самое долгое два, заключенный расскажет, обыкновенно, все, не только про себя, но и про всех своих соратников, абсолютно ничего не утаивая.

В нижнем этаже здания для заключенных пребывают преступники уголовные, а в верхнем политические в общих камерах. Камеры мрачные и сырые, а окна кроме того, что зарешечены, так еще и заделаны почти до конца. В камере сидят комплектами — по 30 человек, все спят на грязном полу и пользуются одной, парашей, которую выносят раз в день; отношение к арестованным чрезвычайно грубое.

Казенная пища состоит только из кипятка и хлеба. Для подследственных, которые сами по себе не особенно виновны, разрешают получать пищу из дома, но она весьма тщательно просматривается: жидкое процеживается, хлеб, мясо, фрукты, овощи разрезаются, сладости, папиросы — разламываются.

Следствие ведут т. зв. уполномоченные ГПУ, большинство которых евреи; для допроса имеются две комнаты — в одной для производства дел по экономическому шпионажу, а в другой — вообще по политическим. Допрос ведется во всякое время дня и ночи и всегда в такие часы, когда заключенный наименее всего ожидает. Т. к. для ГПУ важно все доподлинно разузнать, то со следствием не торопятся, оно ведется полгода, год, до тех пор пока не получат ясных и определенных ответов на поставленные вопросы; если арестованный артачится, то его переводят в подвал.

По окончании следствия ГПУ, вне присутствия обвиняемого, само выносит решение; вернее, просто по своему усмотрению подгоняют дело к той или другой статье. Выработались уже и нормы — так все участники Ледяного похода, все добровольно вступившие в отряды по борьбе с большевиками, члены судов, служащие осведомительных отделений и контр-разведки приговариваются к „высшей мере“, т. е. к расстрелу.

Далее следуют Соловки и Сибирь, широко применяемые для „изъятия“ местных „контр-революционеров“; сроки давности не существуют, карают и за 1905—7 г. г.

Больницы в ГПУ нет и там арестованных не лечат. Если обвиняемый оказался в ГПУ чистым, как ангел, что весьма редко бывает, то его переводят в тюрьму, там уже легче, так сяк кормят, больных лечат; из тюрьмы по проведении известных формальностей такого „ангела“ выпускают на свободу.

Смертные приговоры арестованным не сообщаются, а посылаются для утверждения в Москву. Москва очень щедра на эти утверждения; в весьма редких случаях Калинин заменяет расстрел Соловками и то только беднякам.

Сплошь и рядом бывает, что ГПУ ведет заочное следствие и выносит смертный приговор, а жертва гуляет себе на свободе, ничего не подозревая; потом она просто, без шума арестовывается и „выводится в расход“.

Так было поступлено с членом донского суда в Новочеркасске г. Соколовым, который при приходе большевиков перебрался на Кубань, а потом ради семьи остался.

На Кубани первое время он скрывался в камышах, рыбалил, а потом когда все относительно утихло, вылез из плавень и начал служить в советском суде. Все как будто было забыто; в последнее время он даже получил разрешение ГПУ и местной компартии быть частным защитником в суде.

Однажды ростовское ГПУ вызвало его к себе, С. поехал и через несколько дней вернулся печальный, сделал кое-какие распоряжения по дому и стал ждать другого вызова. Через несколько дней пришлось опять ехать ему в Ростов и уже оттуда не возвратился. За ним отправились встревоженные дети, в ГПУ они получили одежду и услышали заявление, что ГПУ нашло

нужным применить к нему „высшую меру“ наказания. Кто то донес.

В другом случае в 1923 г. был арестован б. атаман одной из станиц Лабинского отдела, ему было предъявлено обвинение в том, что в 1905 г. в своей станице он арестовал какого то революционера. Атаман отговаривался тем, что исполнял приказ начальства, но ничего не помогло — он поехал в Соловки.

Казак Н., служивший писарем в управлении Кавказского отдела был арестован по обвинению в службе в контр-разведке, по оговору арестованных екатеринодарским ГПУ двух офицеров, других доказательств не было и все же его приговорили к расстрелу, только потом Калинин заменил ему расстрел, ввиду пролетарского происхождения писаря, ссылкой в Сибирь.

Более легкий, но весьма характерный случай, иллюстрирующий советскую справедливость таков: в 1905 г. воинская команда подверглась обстрелу боевой группы с.-ров, командир ее был тяжело ранен и впоследствии от ран умер; солдаты, обороняясь, открыли огонь и убили одного из нападавших.

В 1921 г. об этом вспомнили, вдову офицера 60-ти летнюю старуху посадили в тюрьму, домишко и имущество ее конфисковали, но ее выпустили — похлопотали друзья.

Потом, в 1928 г. вдову убитого с.-ра кто то надумил подать в суд на вдову офицера и требовать „алиментов“, т. к. она по вине н-ка команды лишилась 23 года назад своего кормильца, хотя теперь жила совсем не бедно. Суд поддержал иск и вдова — офицера, живущая своим трудом, должна была продать последнюю одежду и занять у знакомых, чтобы заплатить „алименты“, а не сесть снова в тюрьму.

Под положение о ГПУ подводят и просто неугодных соввласти. Недавно был процесс 22-х слушателей ВУЗ'ов, обвинявшихся в изнасиловании курсистки. По окончании процесса все они были арестованы ГПУ и расстреляны, как контр-революционеры, дискредитировавшие строй советской республики.

Всем, кто хотел бы возвратиться в советский рай, надо твердо это помнить.

И при переписке с находящимися в СССР надо быть чрезвычайно осторожным; письмо ни в коем случае не должно быть политического характера. Все письма проходят через Киев и Москву, где в отделе иностранной корреспонденции перлюстрируются, а интересующие ГПУ и фотографируются.

Наш технорук, на допросе в ГПУ, сам видел, как другому допрашиваемому была предъявлена фотография полученного им заграничного письма.

Письмо с Дона.

... Зима стоит холодная. Снега мало, но морозы доходили до 30°... Прошли перевыборы в советы. Это нас пока не радует. Почему? Да потому что с каждым годом становится жить труднее и получает ли она (жизнь) — не знаем... Люди (в советы) попадают такие, что ничего не знают и ничего не понимают. А мы следом за ними тянемся... Если бы не тянулись — все равно заставят...

14-11-1929.

Из писем с Кубани.

Сестра (студентка) пишет брату (студенту) из Краснодара:

... Ты не представляешь, как тяжело у меня на душе и как надоело мне жить одной. Будет ли всемо этому конец? Ты просишь у меня совета? (о возвращении домой)... Что я могу сказать тебе?.. Чем могу утешить тебя?

Еще раз повторяю, что мне безумно хочется видеть тебя, но боюсь, что приезд твой сюда не принесет тебе ничего хорошего... Тебе очень трудно представить, что ждет тебя здесь... Я же уже прочувствовала все это полностью и вовсе не желаю тебе того переживать, что пришлось пережить мне...

Ведь там ты можешь учиться, там больше считаются с тобой, чем будут считать здесь. Если же у тебя есть еще и желание окончить институт, то прежде чем ехать сюда, распрощайся с этой мыслью... Сколько

здесь без дела окончивших гимназии и оказавшихся за бортом... Ведь в высшую школу у нас попадают, как говорят, счастливы — одни из немногих...

По приезде сюда, кроме всевозможных испытаний, которые тебе придется пережить, ты заделаешься, в конце концов каким либо техническим рабочим. О службе и о высшей школе тебе здесь мечтать не придется... Не обижайся только на меня и не обвиняй меня в нечуткости... Наоборот, я слишком прочувствовала все то, что говорю... Мне безумно жаль тебя... Но тебе не придется жить здесь, так как об этом мечтаешь ты...

Здесь большая часть студенчества настроена так, что хотя бы сегодня уехать... Это думают местные... А ты представь себя здесь...

Если тебе обидно что с тобой не считаются там, то что ты будешь чувствовать, когда Родина не признает тебя, а если и признает, то не как равного, а как раба?!.. Говорю это тебе для того, чтобы ты ясно мог представить себе, что ждет тебя здесь и мог бы сделать выбор... Говорю страшно неприятные вещи, но... которые мне пришлось пережить и которые ожидают тебя... Как я боюсь этого!..

... Огорчены мы сильно: Екатеринодарский войсковой собор постановлено закрыть и передать на культурные цели. Городской совет постановил единогласно; и так собор был обобран и ободран, а теперь и совсем Бог знает что из него сделают...

Оттуда.

Одно лицо, заслуживающее доверия, побывавшее в РСФСР, сообщает нам:

Поездил я по советскому царству недели с две и надоело порядочно. Внешне был я забронирован всякими бумажными гарантиями и ничего, помогало, только один раз, наш общий друг (теперь партиец), кажется готов был отдать меня в руки ГПУ, но я его успокоил, сказав, что влипнет сам за сношения с нами.

Он страшно ругал нашего б. командира за „измену и предательство родины“... о нас они знают. Видел я между прочим пару наших знакомых и о других спросил, все они живут неважно, только и сыты, кто в столице попал.

А в общем там паршиво вообще, и грязно в частности. Народ какой то пошел там иной, на людей, имеющих внешне европейский вид, косится... разница колоссальная и не только во внешности, но и в манерах, в обращении, в образе мышления.

„Иностранец“ попадетс сразу.

Всех, кажущихся „надежными“ нам из заграницы, надо проверять. Необходимо иметь ввиду, что много хороших, надежных людей, за последние десять лет, волею-неволею, превратились в Гепеистов.

Жизнь тяжела, тяжело и материально, против прошлогоднего вздорожала вдвое; и а Кубани, в городах, готовятся завести хлебные карточки, а это значит для „пролетарского“ люда новые лишения, т. к. они права на карточки не имеют.

Все это вызвано чрезмерным падением курса червонца и боязнь, что червонец еще будет падать, что, конечно, своевременно и сбудетс.

Из пограничных государств нельзя даже посылать денег по официальному курсу, т. к. советчики не хотят ни выпускать денег ни получать их (конечно для частных лиц и отдельных своих граждан). А червонцы, у нас в пограничьи значительно дешевле их официального курса — за 10 руб. берут 80—90 ч.-сл., официально же — 178 крон, были времена когда за червонец брали всего 2 доллара — 68-70 крон, но из заграницы никто не берет червонцев для пересылки в СССР и поэтому товар этот совсем не ходкий — контрабандный.

Казачьей интеллигенции на местах существовать трудно, ее всячески выживают и многие вынуждены служить в центральной России или на окраинах, для того, чтобы жить так сяк и помогать своим, да и то помощь стесняется, напр. недавно было воспрещено пересылать по почте хлебные продукты, крупы и т. д., а на днях воспретили пересылку мануфактуры и галантереи не в шитом виде, а этими видами значительно поддерживали своих „лишенцев“ те, кто имел возможность, как служащий получать паек.

Библиотека „Вольного Казачества — Вильного Козацтва“. Кн. 2.

Печатается книга

И. Ф. БЫКАДОРОВА

I. Историческая жизнь на Востоке Европы и происхождение Казачества.
II. Образование вольных казачьих республик (Донского, Волжского, Яицкого и Терско-Гребенского Войск), и основы их существования в период государственной независимости (до 1671 года).

Открыта подписка на 1929 год

на двухнедельный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО — ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4,5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 ¹ / ₂ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже: в Ч. С. Р. — 3 кр., в Польше — 0,75 зл., в Югославии — 5 дин., в Болгарии 10 лева, во Франции — 2 фр. 50 с. В других странах — 15 ам. ц.

